

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

СОРА НАУМОВА
МАРИЯ ДУБИНИНА

БЕГЛАЯ ПРИНЦЕССА
И ПРОЧИЕ
НЕПРИЯТНОСТИ

Военно-магическое училище

Волшебная академия (АСТ)

Мария Дубинина

**Беглая принцесса и прочие
неприятности. Военно-
магическое училище**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дубинина М.

Беглая принцесса и прочие неприятности. Военно-магическое училище / М. Дубинина — «АСТ», 2018 — (Волшебная академия (АСТ))

ISBN 978-5-17-106314-6

Стефания – последняя принцесса одного из северных миров Ойкумены. Ее семья убита, и саму Стефанию считают мертвой. В попытке спасти свою жизнь она прячется в самом охраняемом учебном заведении всех обитаемых миров. Но так ли непреступны его стены? Прошлое не собирается отступать, а учеба преподносит сюрприз в виде Германа – умного и загадочного студента, с первых дней ставшего для Стефании головной болью. Или настоящей любовью, которая на первый взгляд кажется невозможной. Стефания мечтает о мести, и Герману приходится разбираться с ее проблемами, потому что в этом деле у него неожиданно возникает свой интерес.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106314-6

© Дубинина М., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Часть первая	6
Урок 1	6
Урок 2	11
Урок 3	18
Урок 4	24
Урок 5	31
Урок 6	37
Урок 7	40
Урок 8	47
Урок 9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сора Наумова, Мария Дубинина
Беглая принцесса и прочие неприятности.
Военно-магическое училище
Роман

© С. Наумова, 2018

© М. Дубинина, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Хотим выразить огромную благодарность клубу «Офигенных» за поддержку и советы и нашим читателям – за терпение, которое дало нам силы закончить эту историю!

Отдельное спасибо Евгении Кравець за помощь в вычитке. Если бы не она, роман никогда не приобрел бы свою нынешнюю завершённую форму.

Часть первая

Беглая принцесса и прочие неприятности

Урок 1

Из любой ситуации есть выход, даже если он похож на тупик

На поездку на комфортабельном лайнере попросту не хватило денег. Долгое путешествие по обитаемым мирам обошлось недешево, поэтому из города Стефания и ее подруга Ситри добирались пешком. Но цель, как говорят, оправдывает средства, и вот эта цель уже возвышалась над ними массивным зданием из красного кирпича. Дежурный пропустил их на территорию, проверив документы, разумеется, ненастоящие, и показал, как дойти до здания администрации. Дорожка шла прямо, по бокам обрамленная аккуратно подстриженными цветочными кустиками.

Не Училище военно-магических дисциплин, а пансион благородных девиц какой-то.

В открытых окнах административного корпуса шелестели белоснежные занавески, входные двери тоже не выглядели неприступными, так что Стефания решительно поднялась по ступенькам крыльца и вошла в здание.

– Приемная комиссия, – сказала она первому попавшемуся на глаза человеку. – Где она?

Первым попавшимся оказался не очень приветливый на вид длинный парень в темно-синей ученической форме.

– Закрыта, – ответил он односложно и, смерив девушек строгим взглядом, решил уточнить: – Месяц назад. А вы кто такие?

Он покосился на секиру в ее руках, хотя полумесяц лезвия был замотан тряпкой, чтобы не привлекать внимания.

Тяжелая рука Ситри легла на плечо, напоминая, что силой проблему не решить, а Стефанию так и подмывало взять парня за грудки и как следует встряхнуть. Она трижды вдохнула и выдохнула. Ладно, сама найдет, не нужна ей ничья помощь.

Стефания осмотрелась. В холле обнаружилась лестница, ведущая вверх, на второй этаж, и вниз – на цокольный.

– Наверх? – спросила она у Ситри и, не дожидаясь ответа, стала подниматься.

Полы были гладкими и блестящими, возле окон стояли горшки с высокими цветами. Стефания с любопытством осматривалась – уж больно все выглядело неподходящим тому образу военного училища, которое она себе нарисовала в голове. Бодро вышагивая по коридору, она уговаривала себя успокоиться.

– Плевать я хотела на то, что прием закрыли, – сказала Стефания упрямо. – Они не могут меня не взять.

Ситри печально вздохнула в ответ.

– Хозяйка, вы давно не принцесса. Вы уж простите.

Стефания хотела было возразить, но промолчала. Ситри права, Стефания больше не могла отдавать приказы направо и налево, и никто не станет ее слушаться, разве что верная телохранительница.

Через открытые окна проникал теплый воздух, слышались приглушенные голоса. Стефания выглянула в окно и увидела внутреннюю территорию и большой фонтан. На широком бортике сидел парень с книгой в руках, и ветер играл его темно-русыми кудрями. Парень нервно

покачивал ногой, и вокруг него толпилось еще несколько ребят в ученической форме. Кажется, назревала драка, бритый тип тыкал пальцем и что-то говорил, а кудрявый парень равнодушно смотрел в книгу, как будто и не слышал ничего. Поразительная выдержка. Стефания бы так не смогла.

Она прибавила шаг и застыла перед дверью с надписью «Деканат».

– Деканат второго потока, – прочитала она вслух. – Что это значит?

Впрочем, стоять и размышлять было некогда. Она решительно толкнула дверь, забыв даже постучать. Секретарша с копной длинных каштановых завитушек испуганно вздрогнула.

– Вы... – начала она, но Стефания ее перебила.

– Мне нужно поступить в ваше училище, – заявила она с порога. – Немедленно. Что нужно сделать?

Секретарша растерялась. Круглые щеки напряженно покраснели.

– Но это невозможно, – сказала она. – Прием закончился месяц...

– Я в курсе! – Стефания снова начала заводится. – Дайте мне поговорить с деканом.

Может, уверенный тон и бескомпромиссный напор правильно подействовали, но секретарша немного подумала и кивнула:

– Я о вас доложу.

Стефания снисходительно кивнула и проводила девушку взглядом, пока та выбиралась из-за своего стола и заглядывала за дверь соседнего кабинета. Что она сказала, Стефания не услышала, но мужской голос в ответ вроде бы прозвучал одобрительно.

– Проходите, – сказала секретарша. – Вещи можете оставить тут, их никто не...

– Нет, спасибо. – Стефания взялась за ручку секиры и скомандовала подруге: – Ситри, за мной.

Они вошли в кабинет декана. Внутри было удивительно душно, и мужчина за широким столом развалился в кожаном кресле и обмахивался листком бумаги с надписью «Заявление». Рубашка у него была расстегнута на несколько верхних пуговиц, рукава закатаны, а пиджак вообще висел на спинке кресла.

– Декан?

– Декан Кишман, – улыбнулся мужчина и сел более-менее прямо. – А вы кто, дамы?

Светлые глаза с пристрастием оглядели Стефанию, декан довольно прищурился и вальяжно откинулся назад. Стефания почувствовала себя как товар на ярмарке, но вовремя вспомнила о приличиях и представилась:

– Стефания Дидрик. Я хочу поступить в ваше училище.

– Ну, допустим, училище не мое, – возразил Кишман. – Да и занятия давно идут. Почему мне нужно нарушать правила ради вас?

Стефания ответила не сразу.

Они с Ситри договорились держать в тайне, что Стефания – последняя из королевского рода Виндштейна, чтобы сбить преследователей со следа. Стоило ли признаваться во всем сейчас?

– Потому что вы пожалеете, если не возьмете меня, – сказала она дерзко. Без предупреждения стряхнула тряпку с лезвия, размахнулась и обрушила секиру на письменный стол. Деревянная столешница не выдержала и с прощальным треском разошлась надвое.

К чести декана, он даже не вздрогнул, только отъехал назад, чтобы не попасть под обломки.

– Впечатляет, – сказал он спокойно и кивнул. – Люси, все в порядке, возвращайся на место.

Секретарша, привлеченная шумом, снова скрылась за дверью.

Стефания перевела дух и ждала реакции на свою выходку. Вообще она ничего такого не планировала, но, признаться, стало легче. Теперь уж будь что будет.

– Давайте начистоту. – Декан поднялся и обошел печальные останки своего стола. – Ваше лицо мне знакомо, и раз вы желаете сохранить инкогнито, я не против. Как только вы станете курсантом Училища военно-магических дисциплин, то станете собственностью Визании. Так что на несколько лет ваша прошлая жизнь перестанет существовать, а уж о своих курсантах училище сможет позаботиться. Вы хотите остаться, Дидрик?

Стефания вдруг почувствовала, как пересыхает в горле от волнения.

– Никто не должен узнать, – сказала она. – Вы меня с кем-то спутали.

– Так спутал или никто не должен узнать?

– Ладно, давайте начистоту, – выпалила Стефания. – Мне нужно укрытие, и я не уйду, пока его не получу.

Декан нехорошо прищурился, и Ситри потянулась за мечом, но Кишман бросил на нее один быстрый взгляд, и телохранительница ойкнула, обжегшись о внезапно нагревшуюся рукоять.

– Одно из правил училища, – назидательно поднял палец декан, – не носить в стенах училища и не использовать любое реальное боевое оружие. Я его, кстати, у вас все равно изыму.

– Так мы приняты?

– Я что, недостаточно ясно выразился? – Густые светлые брови декана взметнулись вверх. – Люси выдаст вам все необходимые бланки, потом марш на медосмотр к мастеру Гошу, пусть поставит вам печати, какие надо. Потом сдадите оружие в оружейную, распишетесь в накладной. Что я еще мог забыть... – Он нахмурился и беззвучно зашевелил губами. – Ах, да! В казарме второго потока зайдете к коменданту, получите распределение на жилье. А мне тут работать надо... На чем-нибудь.

Стефания не верила своей удаче, как все быстро получилось. Здесь их не найдут, можно выдохнуть и немного расслабиться. Ситри поддержала за плечо, и Стефания переждала секунду легкого головокружения. Наконец-то покой.

– И еще момент, – окликнул их Кишман уже на выходе. – Раз уж я пошел вам навстречу, Стефания Дидрик, то будьте готовы пойти навстречу мне, когда придет время. Договорились?

Стефания кивнула.

У них получилось, ведь не зря же они проделали такой путь, рискуя всем, в том числе и своими жизнями. Стефания поежилась, вспоминая, от чего именно они бежали. Жажда мести поддерживала ее в эти непростые для них обоих дни, так что останавливаться нельзя. Стефания ненавидела поражения.

Первая неприятность всплыла в виде сурового медика с лицом, будто выточенным из камня, и прекрасными изящными руками. Он наотрез отказался выписывать справку для Ситри, потому что у нее что-то там не в порядке с энергетическими каналами. Увы, оружие они уже сдали и пригрозить строптивому медику было нечем, а мысли о взятке даже не возникло – на те деньги, что остались, не подкупить даже кошку. К счастью, с этим удалось разобраться, практически сдав Ситри на опыты в качестве будущего учебного пособия для студентов-медмагов. Ситри особо не возражала, и они плавно перешли к проблеме под номером два.

Второй проблемой стала комендант казармы, которая отказалась давать им отдельную комнату.

– Вы бы, дорогуши, еще во втором полугодии пришли, – ворчала дородная женщина со связкой ключей на поясе. – Сейчас закинем вас куда-нибудь. Куда бы, куда...

Она долго и методично пролистывала журнал сначала в одну сторону, потом в другую, точно специально издеваясь. Наконец выдала ключ с номерком «313». Ну хоть не под крышей.

И самая большая проблема – Стефания таки узнала, что значит «второй поток».

– Пусти, мне нужно к декану! – разъярилась она, но Ситри стеной преградила дорогу. – Ты хоть понимаешь, как нас унизили? Мы будем учиться с простыми солдатами! Мы! Нужно срочно перевестись на первый поток. Здесь меня ничему полезному не научат.

– Остыньте, хозяйка, – урезонила ее Ситри и мягко подтолкнула в сторону лестницы. – Разве мы не спрятаться хотели? Велика беда. Вы быстро всех за пояс заткнете.

Стефании пришлось признать, что подруга права, и позволить увести себя на третий этаж. Воспитанная с детства гордость бурлила в груди, не давала успокоиться, но с Ситри не поспоришь. Если кому и придет в голову искать беглянку в УВМД, то уж точно не среди простолудинов. Все-таки Стефания не очень хорошо умела прятаться.

Высокие потолки белели свежей краской, подошвы ботинок громко ударялись об однотонную плитку пола, и тяжеловесная Ситри явно старалась идти тише, но выходило не очень успешно. Коридор был прямым, как линейка, с двумя рядами одинаковых типовых дверей с металлическими номерными табличками. Одна из них открылась, наружу выглянул взъерошенный рыжий парень с болтающимися на шее черными очками на кожаном ремешке. Он с любопытством посмотрел на девушек, присвистнул, но, натолкнувшись на гневный взгляд, скрылся, хлопнув дверью.

– Триста тринадцать, – нашла Стефания и прислушалась. – Ну, вроде никого.

Она сунула ключ в замочную скважину и повернула.

На первый взгляд комната была небольшой, но вполне приличной. Три двухъярусные кровати в углах, окно в полстены, центр комнаты обозначался конструкцией из огромного деревянного письменного стола квадратной формы, вокруг него стояли простые стулья, на вид жутко неудобные. Стены снизу доверху были закрыты шкафами и книжными полками.

– Сойдет, – сказала Ситри и первой бросила на пол их вещи.

Стефания не спешила устраиваться, ее все еще смущало очень многое. Например, чья это рубашка висела на плечиках на ручке шкафа.

– Не собираюсь делить с кем-то, кроме тебя, комнату, – сказала она. – С этим нужно будет что-то сделать в ближайшее время.

Хоть Ситри и любила между прочим напомнить, что беглой принцессе «негоже выказывать королевские замашки», но пересилить себя было слишком сложно. Стефания привыкла к просторным покоем, к служанке, которая помогала одеваться и раздеваться, причесывала и купала. С большинством этих дел Стефания быстро научилась справляться самостоятельно или с помощью телохранительницы, но раздражение от собственного бессилия все нарастало.

– Давайте вас переоденем и приведем в порядок, – предложила Ситри, точно прочитав ее мысли.

Переодеться было бы неплохо. После долгой дороги вся одежда помялась и покрылась толстым слоем дорожной пыли. Стефания раскрыла чехол с выданной ей формой училища – узкой юбкой до колен, блузой и приталенным кителем с воротником-стойкой, нашивкой второго потока на плече и широким кожаным ремнем с эмблемой училища на пряжке.

Стефания с большим удовольствием скинула с себя не по размеру большие уродливые тряпки и, отвернувшись к окну, откинула тяжелые косы за спину.

И тут послышался душераздирающий скрип открывающейся двери.

– Проклятие, – выдохнул кто-то. Стефания повернулась, прижимая к груди блузку, и успела увидеть растерянное лицо кудрявого парня, которого сегодня видела с книгой у фонтана.

Их взгляды встретились, и парень поспешно выпрыгнул обратно в коридор, громко хлопнув дверью. Потом трижды постучал.

– Войдите, – разрешила Стефания, быстро застегивая на груди блузку. Сердце громко билось о ребра, все-таки это было довольно неожиданно. Стыдно признаться, но она была больше смущена, чем возмущена.

– Вы кто такие? – с обескураживающей прямоотой спросил парень. – Это моя комната. Я здесь живу. Один.

– Значит, с нами жить будешь, – хмыкнула Стефания. Момент смущения прошел, и она снова была готова к бою. – Меня зовут Стефания, а это моя подруга Ситри.

Блондинка сумрачно кивнула и скрестила сильные мускулистые руки на необъятной груди, точнее, где-то под ней.

– Это невозможно, – спокойно ответил парень.

– Bölvun, – выплюнула Ситри что-то, безусловно, оскорбительное и отвернулась. Стефания смерила парня снисходительно-презрительным взглядом и села на одну из кроватей.

– Она имела в виду, что у нас есть бумажка от вахтерши, так что смирись. Мы тоже не очень горим желанием с кем-то делить жилье, поэтому будем вместе думать, как побыстрее разбежаться, – сказала она.

И тут парень словно отмер.

– Это моя комната, – твердо заявил он с гораздо большим чувством, чем прежде. – Если планируете здесь жить, соблюдайте тишину, чистоту и... и... – он забегал глазами по комнате, – и раздевайтесь за ширмой!

В щели между шкапами и правда отыскалась одна такая, совсем девчачья – бежевая, в розово-зеленый цветочек, и ее он гордо продемонстрировал девушкам.

Светлая бровь Ситри нервно дернулась.

– Если собираешься жить с нами, – холодно отозвалась Стефания, – ничего не спрашивай, не лезь с разговорами и не пытайся флиртовать. Все ясно?

– Герман, – внезапно представился парень. – Моя койка вот эта.

Он прошел в самый угол, повесил на спинку стула сумку и потер пальцами виски. Странный он какой-то.

Но можно считать, что они с ним договорились полюбовно. Стефания еще немного понаблюдала за этим Германом, но он лег и замер без движения. Возможно, уснул. А вот у Стефании долго не получалось заснуть. До сих пор не верилось, что она смогла забраться так далеко. Она жива, Ситри с ней, у них есть кров, еда и защита. А с остальным она справится, ей все по силам.

Уже засыпая, она вспомнила, как по дороге в училище стала свидетельницей местных разборок и едва успела убежать. Двое подозрительных типов отдавали третьему, похожему на франта дешевого пошиба, в шелковой рубашке вызывающе красного цвета и со шлейфом приторных духов, дорогую шпагу. Стефания случайно оказалась в той подворотне недалеко от ночлежки, где они с Ситри поселились, и ее, похоже, не заметили. Но она испугалась, что это за ней, что ее все-таки нашли.

К счастью, она ошиблась и все наладилось. Наконец-то.

Урок 2

Лекция, которая называется вводной, чаще всего и не лекция вовсе

Герман совершенно не выспался, его отвлекало все – шорох простыней, чужое дыхание в комнате, негромкое похрапывание, очевидно, Ситри. Но больше всего его отвлекала Стефания. Ей было страшно.

Склонность к магии появилась у Германа в детстве. В Ландри, мире, где он родился, простолюдин вроде него не мог обладать этим даром, поэтому единственный путь лежал сюда, в место, где способный маг мог получить необходимые знания и вернуться с гордо поднятой головой. Все, что Герману было нужно, – просто учиться, впитывать знания, как губка, ни на что не отвлекаться.

Он единственный из всего общежития, точнее, казармы, как ее называли среди курсантов, жил один в целом блоке. Распугать соседей труда не составило, они сами с радостью находили повод отселиться, чтобы не ночевать в опасной близости от «чудовища». Репутация – отличная вещь, если правильно ее использовать.

И тут эти... девчонки.

Внешне они были абсолютными противоположностями друг другу. Высокая, мощная и крепкая Ситри выглядела на фоне маленькой и фигуристой подруги настоящей великаншей и, если бы не светлые гладкие волосы, собранные в две неопрятные косы, и грудь, едва влезающая в походный кожаный доспех, ее можно было бы принять за молодого парня. Стефания же была обладательницей довольно милого личика, чуть подпорченного пухлыми, всегда упрямо поджатыми губками и непримиримым взглядом человека, вечно подозревающего подвох. Герману она сразу не понравилась, и он решил во что бы то ни стало избавиться от навязанных соседок.

Общие комнаты и общие душевые, как гласили правила училища, должны были готовить курсантов к реальным условиям будущей армейской жизни, хотя, по мнению Германа, только разлагали коллектив. Он собрался и, сверившись с расписанием занятий на сегодня, покинул казарму прежде, чем его новые соседки вернулись из душевой. Чем меньше они видятся, тем всем спокойнее.

Учебный корпус «Г» был в основном приспособлен под лекции для большого числа учащихся. Широкий коридор с высокими арочными потолками, в который Герман попал, поднявшись на четвертый этаж, как раз был отдан под лекционные аудитории общих дисциплин, к которым межмировая история и геополитика как раз и относилась. Каждые метров пятьдесят из стен выступали ребра полуколонн, и казалось, что находишься не в здании, а внутри гигантского рыбьего скелета. По обеим сторонам мягко мерцали магические огни, заключенные в изящный каркас из металла и стекла. Дверные проемы учебных кабинетов тоже были высокими и стрельчатыми, как в рыцарских замках из книг, которые в детстве обожал Герман.

А вот и «Лекционная 411».

Герман притормозил и наглухо застегнул форменный темно-синий китель с посеребренными пуговицами. До начала занятий оставалось еще четверть часа, которые он предпочел бы провести подальше от шумных сокурсников, но за спиной уже слышались голоса, и странно было бы торчать одному у кабинета. Он вошел, и белокурый пухляш Вуди, один из прихлебателей местного задиры Ролана, испуганно дернулся, уходя с дороги.

– Эй, смотрите, кто пришел!

Герман поморщился, но даже не повернулся на голос. Он никогда не велся на дурацкие провокации.

Просторное помещение с уходящими ввысь рядами столов было почти наполовину забито учениками. Они шумно переговаривались, смеялись, делились впечатлениями, пока не услышали голос завопили и в едином порыве не затихли и не уставились на дверь. В наступившей тишине громкий голос Ролана Грэма прозвучал по-особенному истерично:

– Мало тебе вчера всыпали? Еще хочется?

– Это еще кто кому всыпал, – уточнил Герман спокойно. – Мне кажется или это ты уносил ноги вместе со своими друзьями?

После неудачных попыток задеть его у фонтана во время чтения Ролан с прихвостнями подкараулили Германа после ужина, чтобы затеять драку. Это было запрещено Уставом, так что Герман с ними драться не собирался. В голове в принципе не укладывалось, почему Ролан так к нему пристал. У них не было ничего общего, кроме места учебы, но почти с самого первого дня Ролан избрал Германа объектом для своей неоправданной ненависти. Не то чтобы Герману это было непривычно, в родной деревне в далеком западном мире Ландри он с рождения был белой вороной, так что быстро научился ставить вот таких вот задир на место. Лучший способ, который действовал безотказно, это игнор, поэтому Герман поднялся на самый верхний ряд и невозмутимо сел на скамейку.

– Эй, ты чего там вякнул? – завелся Ролан, и волны его злости раздражали обостренную чувствительность. Герман попытался абстрагироваться, но людей вокруг было слишком много, все они испытывали разные эмоции, которые смешивались, искажались и больно били по Герману. Он потянулся к безымянному пальцу левой руки, уже понимая, что совершил одну фатальную ошибку. Тоненькое серебряное колечко, подарок первого учителя, осталось в комнате, а без него заглушить какофонию чужих чувств не получалось. Голова наполнилась тяжелым давящим гулом. Вот тебе и пришел послушать лекцию...

Раздражение плескалось внутри, грозя в любой момент вырваться и все испортить. Следом за этим незащищенным, изрядно обострившимся восприятием Герман почувствовал приближение учителя буквально за несколько секунд до того, как тот влетел в аудиторию.

– Простите, простите, простите! – Савелий Кишман подскочил к кафедре, роняя на нее ворох бумаг, и, выдохнув, еще раз извинился: – Простите, опоздал. Не успели соскучиться?

Он оглядел недоумевающих курсантов, разбросанных по рядам, как грибы после дождя:

– Что-то вас маловато. Все пришли? Никого не забыли?

Народ всколыхнулся, все начали переглядываться, вспоминать. А вот Герман и без того прекрасно знал, что все на месте, – еще на входе машинально отметил, кто где сел, к тому же собственное расположение обеспечивало отличный обзор. Декан как раз дошел до последнего ряда, мазнул взглядом по Герману, отбившемуся от группы, и улыбнулся каким-то своим мыслям.

– Ладно, тогда предлагаю не затягивать с прелюдией. Учебный план пришлось немного скорректировать, и мой предмет перешел из второго полугодия в первое. Меня уже многие из вас знают, а если вдруг у кого-то приключилась внезапная амнезия, – он сделал паузу, и раздалась пара нестройных смешков, – меня зовут Савелий Кишман, я ваш декан и заодно буду преподавать у вашего потока межмировую историю и геополитику. Да, представляю себе, что вы сейчас подумали: «Мы проходили это в школе, зачем повторять по десять раз». – Смешки стали гораздо стройнее. – Но вынужден буду вас расстроить, дорогие мои. Забудьте все, чему вас учили в школе. Я расскажу вам, как все было на самом деле.

– Так вы что, создание вселенной застали? – пошутил кто-то, судя по пакостным интонациям, из свиты Ролана. Тут Герман, конечно, мог быть слишком пристрастным, но проклятая мигрень от постоянного шума в голове и из святого делает демона.

Савелий шутку оценил:

– Если бы застал, написал бы об этом монографию и стал магистром без очереди. Но увы, приходится подвизаться простым деканом.

Герман хмыкнул. Для «простого» декана Кишман – личность слишком неординарная. И еще Герман не мог отделаться от зудящего чувства недоверия к нему, хотя сейчас все ощущения – и свои, и чужие – до того переплелись, что разобраться в них без глупо забытого в комнате кольца-блокатора было совершенно невозможно.

– Так вот. – Декан кашлянул, привлекая внимание. – Я буду преподавать вам межмировую историю аж восемь часов в неделю, поскольку до церемонии магической инициации практика у вас будет в ограниченном объеме. Триместр завершится фееричным зачетом, но не думайте, что будет достаточно протянуть мне зачетку и поморгать глазками. Я же все-таки декан, меня положено бояться и уважать. Можно по очереди, можно одновременно. И если вопросов нет, я бы озвучил тему вводной лекции.

Как и следовало ожидать, первым делом им решили напомнить про основу основ – содружество обитаемых миров.

– Ойкумена была образована в две тысячи восемьсот восемьдесят пятом году путем добровольного вхождения обитаемых миров в единую сеть, объединенную телепортационными тоннелями, которые не только создают возможность перемещения между мирами, но и способствуют справедливой циркуляции магии между членами содружества. Между мирами Ойкумены налажены торговые и культурные связи без вмешательства во внутренние дела суверенных миров. Визания занимает особое место в системе Ойкумены как хранитель Источника магии и является ее центром. Как вам, несомненно, уже известно, Визания – это мир-академия, приспособленный под целый спектр учебных заведений для выходцев из разных уголков Ойкумены. Сюда ведут почти все ветки порталов, Визания является сердцем огромной сети телепортационных ходов. Поступивший на обучение в одно из местных образовательных учреждений получает особый статус, в будущем для него откроются двери всех миров. Это вы сами скоро, точнее, через три года, проверите на себе.

Герман историю любил, может быть, только это и держало его в сознании. Собственно говоря, он и сам не мог сказать наверняка. К тому же, бросив взгляд направо, он увидел Стефанию и Ситри, перед которыми будет особенно обидно ударить в грязь лицом. Впереди еще борьба за одиночное проживание. И все же хотелось, чтобы занятие поскорее закончилось и можно было запереться в своей комнате и успокоиться.

– ...не так уж и скучно, как кажется. Кто, например, скажет мне, сколько сейчас насчитывается обитаемых миров? Курсант Грэм?

Ролан забежал глазами по аудитории, точно выискивая ответ на стенах и на лицах однокурсников:

– Э... Пятьдесят? Нет, сто. Точно сто.

– Курсант... эээ... – Кишман кивнул на Германа, – напомним фамилию, пожалуйста.

Герман поморщился. За минувший месяц ему уже сотню раз пришлось объяснять, что у него нет фамилии, в его мире крестьянам они не положены, и зачислили его так, как есть.

– Просто Герман, – сказал он. – Позвольте ответить на вопрос. Телепортационные сети Ойкумены в настоящее время охватывают двести семьдесят независимых миров, последние восемь из которых были присоединены к сети в прошлом году.

Декан захлопал в ладоши:

– Bravo! Я уже чувствую родственную душу. – Он снова повернулся к Ролану: – И какие же миры были присоединены последними?

Ролан покраснел:

– Э... эээ...

– Герман?

– Аддика, Гинезия, Моннгейт...

– Достаточно. – Кишман довольно прищурился. Прохаживаясь между рядов, он остановился возле Германа. – Любишь историю?

Герман кивнул. Скрывать не имело смысла, хотя выдавать информацию о себе он не любил.

– Хорошие познания для только поступившего. Молодец.

– Да это в школе всем рассказывают! – Ролан не сумел пережить очередное унижение за сегодня. – Хорош умничать, ублюдок.

Герман почувствовал, что сейчас точно взорвется.

– Я бы попросил обойтись без оскорблений, Грэм, – отчеканил Герман. – Не уверен, что ты вообще посещал школу.

Половина однокурсников рассмеялась, половина не решилась злить Ролана еще больше.

– Молодые люди, если вы закончили, я бы предложил устроить, хм, – Кишман нехорошо усмехнулся, – баттл. Ролан против Германа. До первого перевеса в баллах.

Ролан побагровел, и до Германа необыкновенно четко донеслась его отчаянная ярость, замешанная на страхе прилюдного позора. Он боялся проиграть «чудовищу» и при этом знал, что так оно и будет. Что ж, хотя бы это он точно знал.

– Согласен. – Герман и сам себе удивился, но в отсутствие блокирующего кольца его психика не выдерживала эмоционального перенапряжения. – Если он не боится.

Удар был нанесен специально, и, наблюдая за соперником, Герман видел, что попал в цель. Это принесло неожиданное удовольствие.

– Что ж... – Кишман довольно потер руки. – Тогда первый вопрос. В каком году было основано Училище военно-магических дисциплин? Ролан.

Парень пошел багровыми пятнами. Герману даже показалось, что он слышит, как в его ограниченном мозгу проносятся панические мысли. «Я не знаю!», «Что мне делать?», «Надо что-нибудь сказать». Германа тошнило от его беспомощности.

– В три тысячи сто пятнадцатом году по межмировому летосчислению, – услышал он свой уверенный голос. Все-таки не выдержал.

– Ты не дал мне подумать! – вскочил Ролан.

– Было бы чем.

– Отлично! – Декан по-мальчишески быстро подбежал к доске и маркером написал на ней счет – 0:1 в пользу Германа.

Товарищи Ролана недовольно загудели.

– Второй вопрос. – Их неодобрение Кишмана вообще не волновало, в его эмоциях доминировали жадный азарт и любопытство. Не слишком хорошая смесь. – Посвежее. Какое название носит мир, имеющий самое обширное и богатое месторождение железной руды в Северном секторе вселенной? Ролан, у вас появился шанс отыгаться. Уж на этот вопрос вы должны знать ответ.

Герман сидел, откинувшись назад, и расслабленно поигрывал авторучкой. Ждал своей очереди.

– Э... – Ролан замялся и единственное, что вспомнил, пару названий, которые упомянул недавно Герман. – Аддика?

Учитель молча перевел взгляд на Германа.

– Виндштейн, – громко и четко произнес он. – Но месяц назад, после того как стало известно о смерти королевской четы и обеих их дочерей, торговые отношения с соседними мирами были временно приостановлены.

– Новостями тоже интересуетесь? Очень хорошо. – Савелий с одобрением покачал головой. – Победа ваша. Выбирайте награду.

Герман задумчиво потер подбородок.

– Я хочу, хочу... – Он внезапно улыбнулся, – хочу, чтобы он принес извинения.

По рядам пронесся дружный вздох удивления.

«Он с ума сошел!»

«Мало по зубам получал?»

«Какая наглость».

«Самый умный, что ли?»

Герман не умел читать мысли, но сейчас был напряжен до такой степени, что почти улавливал их, складывая из наслоений эмоций. Они все его ненавидели? Но за что? В мозг будто раскаленный штырь вонзили. Тошнота стала более ощутимой и вызвана была уже не только тупоголовостью Ролана.

– Ну, курсант Грэм, вас никто не задерживает. Встаньте и извинитесь. – Савелий снова с каким-то странным удовлетворением, будто его задумка удалась, потер руки. – Умейте проигрывать с достоинством.

– Стойте! – со своего места порывисто вскочила Стефания. – Так же нечестно!

– Вы так считаете? – Декан заинтересованно подался вперед из-за кафедры. – Курсант Дидрик, да? Но ведь ваш сосед, – он ткнул пальцем в доску, – ответил верно на два вопроса из трех.

Девушка раздраженно мотнула головой:

– Требовать извинений просто потому, что оказался удачливее, это нечестно.

– Но правила есть правила, – отрезал Кишман. – Проигравший должен выполнить желание победителя.

Герман сидел, прикрыв глаза, и ждал, пока девушка перестанет молотить чепуху. Потом резко поднялся и повторил:

– Я хочу, чтобы он принес извинения.

Ролан тоже встал из-за стола и уперся в него дрожащими от злости руками:

– Ни за что!

– Я жду извинений.

– Отвали, урод!

Учитель Кишман самоустранился, наблюдая конфликт со стороны.

– Я тебя в порошок сотру! – рычал Ролан.

– Сначала рискни ко мне подойти.

– Сам рискни!

Дверь резко распахнулась, и в аудиторию вошел один из учителей – Вальтер Гротт. Старомодный сливового цвета камзол из дорогого бархата, белоснежная рубашка с кружевным жабо и рубиновой брошью, узкие брюки и высокие черные сапоги. Импозантный, но не слишком подходящий для учителя вид.

Гротт быстро оценил ситуацию и набросился на Кишмана с упреками:

– Что тут происходит, Са... декан Кишман? Шум стоит на весь коридор. Это все-таки военное училище, а не курятник! Потрудитесь объяснить, что вы тут устроили?

Герман поморщился, а Кишман меж тем не спешил оправдываться:

– Обычная проверка на вшивость. Ты... вы же меня знаете. Крайне полезная практика, кстати, советую взять на вооружение.

И, хохотнув, хлопнул Вальтера по плечу.

– Если вы читали личные дела, – почти прошипел Гротт, не обращая внимания на вытянувших шеи курсантов, – то знаете, что ваши, с позволения сказать, «практики» могут сильно навредить некоторым из поступивших. Я все-таки добьюсь для вас дисциплинарного наказания, декан.

Вальтер Гротт некоторое время молча смотрел ему в глаза, потом развернулся и поднялся наверх, к последнему из занятых рядов, громко спросив на ходу:

– Кто начал спор?

– Он! – Палец Ролана уверенно ткнул в сторону Германа. – И у меня куча свидетелей.

Взгляд Вальтера остановился на Германе.

– Это так?

– Нет. – Герман поднялся. – Просто так вышло, что я умнее. Вот и все.

Гротт поправил очки на переносице и чуть заметно скривился:

– И считаете, что это то, чем стоит гордиться?

– Я приложил к этому много сил, – спокойно возразил Герман. – Да, я считаю это поводом для гордости.

Отвечая так, он пытался просканировать учителя, но столкнулся с полным эмоциональным вакуумом. Или Гротт умело защищался, или чувств у него вовсе не было, впрочем, за свою недолгую жизнь Герман убедился, что они есть абсолютно у всех и мало у кого хорошие.

– Но оказался достаточно глуп для того, чтобы явиться в переполненную аудиторию без блокатора, – едко поддел учитель. – Я нас экранировал, можешь не бояться. Хотя скоро все равно придется рассказать сокурсникам, что ты эмпат. Носителей ментального дара ставят на учет, так что будь к этому готов. Так у тебя нет блокатора?

Герман попытался «прощупать» пространство, но вокруг них не осталось ни единой струйки чужих эмоций. Блаженная тишина ласкала истрепанные нервы.

– Я забыл его в комнате, но от него все равно немного толку, – вынужденно признал Герман.

Вальтер, поправил очки и посмотрел ему в глаза, оценивая состояние.

– Сегодня после занятий зайди в мой кабинет. Со своим блокатором.

Гротт направился к выходу. На Германа сразу накатила душная шумная волна, взрывая мозг. Он пошатнулся, опираясь рукой о парту. Захотелось позорно остановить учителя Гротта и попросить о помощи, но, к счастью, тот уже покинул аудиторию.

– Вам нехорошо, курсант Герман? – поинтересовался декан. – Загляните в медпункт. Вводная лекция не самая важная, так что можете пропустить ее.

Герман кивнул и, старательно вышагивая по прямой линии, добрался до двери и вышел в коридор. Там самообладание его покинуло, и он сполз по стене на пол, сжимая ладонями виски. Учитель Арефий, взявший шефство над деревенским мальчишкой с особым даром, предупреждал, что быть менталистом среди людей – непросто, в частности, если ты можешь считывать их эмоции, даже те, о которых они сами не подозревают. В какой-то момент все путается, окрашивается в грязные тона, и мир превращается в помойку из человеческого негатива, а жизнь – в сплошное мучение.

Может, поэтому менталисты чаще других сходят с ума, а сумасшедший менталист – непредсказуем и оттого невероятно опасен.

Герман поднялся, тряхнул головой, отгоняя панику. Он пока еще в своем уме и лишаться его не собирается. Для этого он и поступил учиться, чтобы вернуться домой не чудовищем, от которого шарахались соседи и которого забрасывали камнями мальчишки, а человеком, которого будут не только бояться, но и уважать.

Медицинское крыло располагалось напротив казарм, за узкой полосой зеленых насаждений. Из окна комнаты № 313 виднелись верхние этажи здания из белого кирпича. Правое крыло было отдано под учебные аудитории будущих медиков и медмагов, левое – под госпиталь, а в центральной части находились личные кабинеты персонала. Итого три отдельных входа, и Герман собирался зайти с правого.

– Стой! Эй, подожди меня!

Звонкий голос настиг его практически в дверях. Герман остановился, живо возрождая в мыслях навеванный им образ. Высокий и худощавый, с непослушными завитками золотистых волос. У него наивные глаза необыкновенного лилового цвета, как фиалки, которые так любит выращивать мать Германа. И широкая улыбка. Нет, тряхнул головой Герман, конечно, Альберт совсем не такой. Нескладный, взъерошенный, навязчивый, капризный, шумный. И вообще, откуда...

– Догнал! – Белокурый юноша с разбегу врезался в Германа, обхватывая за плечи руками как старого знакомого. – Ты так быстро ходишь! А я Берт, твой новый сосед!

Каждое слово – восклицание. Герман сбросил с себя чужие руки, разворачиваясь:

– Альберт?

Это и правда был он, собственной персоной. Стоял, запустив пятерню в золотистые волны, путая и без того растрепанные волосы, и улыбался:

– Ага, только лучше называй меня Берт, ладно? Вот, меня к тебе поселили, я пошел тебя искать. Встретил ребят, они сказали, что это ты Герман, который мне нужен. Ну я и побежал знакомиться. Ведь мы же будем друзьями?

И смотрел так, как будто видел впервые. Герман привычным жестом притронулся к виску, но ясности это, конечно, не внесло.

– Что ты несешь? – устало спросил он своего друга детства. – Мы и так друзья, какая муха тебя укусила? Что ты вообще делаешь в Визании? И что на тебе надето?

Герман растерянно оглядел непривычный наряд Берта – растянутую полосатую кофту и куртку с куцей опушкой. Определенно что-то было не так.

Альберт продолжал широко улыбаться, и что-то в его фиалковых глазах подсказывало, это не розыгрыш и не злая шутка.

– Друзья? – захлопал он длинными светлыми ресницами. – Но я не понимаю. Ты странный какой-то.

Герман на пару секунд закрыл глаза, потом снова посмотрел на друга детства, кроме радостного лица, замечая темные пятна в глубине его мыслей. Как будто из его головы исчезло что-то очень важное.

– Хочешь сказать, ты меня не помнишь?

Вопрос был задан наугад, и Альберт озадаченно захлопал глазами:

– В каком смысле? Откуда? Мы же только что познакомились.

– Альберт Теодор Люциус-младший, – закинул Герман удочку, внимательно наблюдая за юношей. – Его помнишь?

– Ммм... – Тот честно попытался напрячь память. Видимо, не удалось. – Нет.

Герман вздохнул, сделав для себя прискорбный вывод:

– Так ты меня не помнишь.

– Я все равно не понимаю, о чем ты, но это ерунда! – Берт схватил его за локоть. – Мы будем жить вместе, будем учиться вместе. Это же замечательно! Ты классный! – Он запнулся и добавил смущенным голосом: – Как тебя, кстати, зовут?

Выходит, действительно забыл. За два года! Как же это могло случиться? У Альберта, конечно, всегда ветер в голове гулял, но чтобы выдуть из нее сразу столько воспоминаний, это уже слишком.

– Герман, – выдавил он глухо, бросил взгляд Берту за спину, туда, где виднелась кучка празднично шатающихся курсантов, и поманил за собой: – Пойдем, я покажу тебе комнату, там и поговорим.

Урок 3

С другом, лишившимся памяти, можно подружиться дважды

Альберт стоял посреди комнаты, упершись задом в стол, и не знал, что делать. Это читалось в его позе, в том, как он тербил себя за волосы, постепенно вытягивая из-под цветных невидимок прядку за прядкой, как прятал взгляд.

За открытым окном чирикали пташки, шелестела листва, с площадки на заднем дворе общежития доносились сглаженные расстоянием голоса и смех. Герман ждал. Потом резко выдохнул и хлопнул себя по коленке.

– Так! Давай-ка с этим разберемся.

Альберт вздрогнул, случайно дернув себя за волосы, и неуверенно улыбнулся:

– Давай.

Подчиняясь жесту, он придвинул один из стульев к кровати и сел. Сиденье оказалось слишком твердым и неудобным, Берт заелозил, устраиваясь, и мучился бы до самой ночи, если бы Герман не продолжил:

– Так как там тебя зовут?

– Альберт Кельвин, – поспешно ответил Берт.

– И откуда ты прибыл?

– Откуда? – Берт замер, растерянно хлопая глазами. – Ммм... «Черная дыра», гостиница в...

– Я не об этом спрашиваю, – нетерпеливо перебил Герман. – Как ты вообще попал в Визанию, да еще и остановился в таком отвратительном месте? Даже самые бедные абитуриенты обходят «Черную дыру» стороной.

Герман вперил в бывшего друга тяжелый внимательный взгляд, который мгновенно отмечал малейшие перемены в его настроении и облике. Вот он закусил нижнюю губу, отпустил. Облизнул. Рука потянулась к волосам, стремясь накрутить на палец непослушный локон. А внутри вообще творилась настоящая сумятица из панических мыслей, страха, непонимания. А еще, похоже, Альберту было больно, и острые уколы этой боли отзывались в голове самого Германа. Отклонившись назад, он мягко подтолкнул его к ответу:

– У тебя есть документы для поступления?

Берт обрадовался смене темы:

– Да! Я отдал их декану Кишману.

– А откуда они у тебя? Кто тебе их дал?

Альберт снова сник, как будто щелкнули переключателем. По крайней мере так это представлялось чувствительному к чужим эмоциям Герману:

– Зачем ты задаешь эти вопросы? Я... я не могу сказать.

Берт склонил голову, стискивая виски ладонями. Герману казалось, что он почти слышит его панические мысли, которые просто не могли дать нужного ответа, потому что его не было и быть не могло.

– Как твое полное имя? Из какого ты мира?

Но Берт действительно не мог ответить.

– Кто помог тебе поступить в военное училище? Почему именно сюда?

Голос Германа причинял Берту беспокойство. Тот заскулил, пытаясь спрятаться от него.

– Посмотри на меня, Альберт!

Но он спрятал лицо в ладонях, будто прячась от проблемы.

– Альберт!

Он с опаской взглянул на Германа. Хлюпнул носом, утер слезы.

– Я не помню.

С ресниц сорвалась особенно крупная слезинка. Подумав, что Альберт ничуть не изменился за два года, которые они не виделись, Герман украдкой вздохнул – моральный прессинг не помог, а жаль. Потом поднялся, обошел его вокруг и, встав за спиной, положил ладони Берту на плечи. Физический контакт приносил дискомфорт, но в случае с Альбертом Герман всегда поступал так. Тонкой струйкой к нему потекло отвратительное, грязное даже по ощущениям месиво из негативных эмоций. Берту нужно помочь от них избавиться, иначе головные боли только усилятся.

– Посиди смирно пару минут, – попросил Герман. – И все сразу пройдет.

Он сосредоточился, очищая верхний ментальный слой. Берт сначала напрягся, потом расслабился, даже промурчал что-то удовлетворенно. Герман убрал руки и символически отряхнул их. Улыбнулся, хоть «пациент» этого и не видел.

– Да, подкинул ты мне проблему, – проворчал Герман. – И тебя не смущает провал в памяти? Что последнее ты помнишь?

Альберт смущенно сжал ладони между коленей.

– «Черную дыру» помню. Проснулся на чердаке, на табурете одежда и бумаги в папочке. Я все прочитал и понял, что я Альберт Кельвин и что мне нужно идти в Училище военно-магических дисциплин. Это ж плохо, что я ничего больше не помню? Но если я всем об этом расскажу, меня же выгонят, да? Куда я тогда пойду?

Пусть и без памяти, но хоть как-то размышлять Альберт не разучился. В его словах была логика, и Герман уже собрался сказать ему, кто он такой, но вдруг передумал.

– Я живу один. То есть жил. – Он вернулся к своей койке. – Это место занято, те две койки тоже. Остальное в твоём распоряжении. Можешь выбрать любой шкаф, они почти все пусты.

Берт открыл первую попавшуюся дверцу, постоял перед пустыми полками, стянул с себя куртку с нелепой опушкой и впихнул в шкафчик.

– Это все твои вещи? – Герман удивленно приподнял бровь. Гардероб его друга прежде не отличался такой скромностью.

Альберт нервно дернулся, куртка попыталась выпасть, и он торопливо засунул ее обратно.

– Д... да. Это все.

Герман резко поднялся и без объяснений направился к выходу. Оставить все как есть он просто не имел права, только нужно сохранять спокойствие и не наломать дров. А как хорошо начинался учебный год!

– Стой! – Берт справился со своенравной верхней одеждой и бросился к нему. – Ты куда?

– Пойду прогуляюсь, нужно кое-что прояснить. – Герман взял за ручку. – Один. Сиди и жди меня тут. Понятно? Придут две девушки, повыше и пониже, блондинка и брюнетка, не пугайся. Это свои.

Альберт послушно закивал.

Даже для его непосредственного характера так легко относиться к потере памяти – странно, но еще удивительнее было само его появление в Визании в таком виде. Что бы с Альбертом ни случилось, оно не объясняет поддельных документов на вымышленное имя и оплаченной комнатухи в гостинице. И эта мысль буквально подгоняла Германа в сторону здания администрации, где располагались деканаты, в том числе и второго потока. Декан Кишман просто обязан быть в курсе этого дела, иначе почему он принял документы, да еще и спустя месяц после официального начала учебного года? Урок как раз уже закончился, и декан, скорее всего, вернулся в свой кабинет.

Быстрым чеканным шагом он миновал коридоры общежития, проигнорировал вялые выпады ролановских приятелей, встречавшихся ему на пути через парк, и даже не сразу заме-

тил, что никто так и не осмелился ничего сказать вслух. Только поток негатива, непонимания и злой обиды тянулся за Германом, как щупальца гигантского спрута. Голова моментально отозвалась тупой болью, и он ускорил шаг.

Здание административного корпуса встретило его пустым холлом и гулом собственных быстрых шагов. Савелия на месте еще не было, Герман почувствовал это сразу, как только оказался в коридоре второго этажа, но из природного упрямства дошел до нужного кабинета.

– Декан Кишман... – Герман остановился возле двери и обратился к невысокой пухленькой секретарше со стопкой книг в руках. Она как раз собиралась идти на обед. Ее легкое настроение и предвкушение приятно проведенного свободного времени, судя по всему, за чтением, достигло и его, вызвав мягкую улыбку. После ненависти курсантов эти теплые эмоции походили на чашку парного молока перед сном, совсем как в детстве.

– А-а, еще не вернулся с занятий, – торопливо оборвала его девушка и, перехватив тяжелую ношу, попыталась вставить ключ в замочную скважину. Разумеется, ничего не вышло.

– Позвольте. – Не дожидаясь ответа, Герман забрал книги, мельком скользнув взглядом по корешкам. «Психология», «Инквизиторская психология» «Ментальные практики для инквизиторов», «Инквизиторское право», «В объятиях инквизитора».

У Германа нервно дернулось веко.

– Хотите поступать в Университет инквизиции? – больше из вежливости, чем из любопытства, поинтересовался он. – Я помогу донести.

– Спасибо. Да, на заочное. – Девушка, Герман мельком взглянул на бейдж, – Люси Шерилд, смущенно потупилась, кокетливо поправила каштановые кудряшки, но отпираться не стала. Молодые люди вместе направились к выходу. – Нельзя же всю жизнь работать секретаршей.

Герман ощутил волнение. Люси нервно косилась на книги, из чего он тут же заключил, что она боялась насмешки с его стороны. Такая серьезная девушка, собирается в будущем работать в инквизиции, а читает любовные романы. Уж не из-за объятий ли того самого инквизитора она так стремилась к знаниям?

– Скажите, мисс Шерилд, вы знаете, какое наказание может быть за ментальное вмешательство третьего или второго уровня? – Он толкнул плечом парадную дверь и придержал, пропуская спутницу вперед.

– По шкале Сесия? «Параграф девять, пункт три, – процитировала Люси по памяти. – Осуществление прямого осознанного ментального воздействия на личность уровня выше третьего в мирное время. Наказание – временное лишение доступа к магической энергии сроком от десяти лет в зависимости от уровня воздействия». Второй уровень, ментальное воздействие на память королевской особы или высшего сословия, разумеется, наказывается строже. Но почему вы спрашиваете? – Она удивленно вскинула брови, и Герман поспешил сменить тему:

– Простое любопытство. Не люблю упускать возможность узнать что-то новое.

– Очень похвально, – неловко произнесла Люси, и Герман почувствовал, что она приятно поражена его интересом и не прочь продолжить беседу. – Тоже хотите учиться дальше после УВМД?

– Заманчивая перспектива. А скажите еще, мисс Шерилд. Сегодня к нам на второй поток поступил новый курсант. Вы знаете что-нибудь о нем?

– Альберт Кельвин? Нет, простите, я не могу распространять личную информацию об учениках.

Герман согласился, про себя отмечая, что неведомые злоумышленники качественно подошли к делу, смогли устроить в одно из самых закрытых учебных заведений Визании, предварительно стерев память с помощью ментальных способностей, а ведь найти менталиста, способного пойти на такое преступление, тоже надо постараться.

Кому-то понадобилось, чтобы Альберт исчез. Но не умер.

Слишком сложно.

Они как раз подошли к преподавательскому общежитию, облицованному слегка побитым от времени, но дорогим камнем, что выгодно отличало его от казарм курсантов. Люси быстро поблагодарила его, забрала свои книги и, не прощаясь, скрылась в здании. От нее вился тонкий, едва уловимый след подозрений, что Герман мог использовать ее в своих целях и вытянуть из нее информацию. Но к этому примешивался легкий аромат разочарованной горчинки, и Герман невольно улыбнулся. Сегодня Люси с удовольствием бы предпочла Германа выдуманным объятиям книжного инквизитора. Жаль, девушка была не совсем в его вкусе, хотя ум и одержимость учебой делали ее весьма привлекательной в его глазах.

Герман озадаченно почесал подбородок, возвращаясь мыслями к отсутствующему декану. Кишмана не было и в общежитии тоже, об этом ему охотно сообщил вахтер, скучающий на своем посту. В Германе он разглядел будущего собеседника, поэтому встретил волной добродушной навязчивости, липкой, словно плавленый сахар, и Герман поспешил ретироваться, раздраженно потирая безымянный палец левой руки. И как он мог снова забыть про кольцо?

Еще около получаса он метался между корпусами, опрашивая каждого встречного, но никто не знал, куда подевался Кишман. Каждый его видел, причем в разных местах в одно и то же время, но Герман, с завидным упорством повторяя его маршрут, похожий на траекторию полета одурманенной мухи, так нигде его и не встретил.

Неуловимость декана и мысль о том, что он оказал содействие в зачислении Альберта не под его настоящим именем, раздражали с каждой минутой сильнее и сильнее. И когда Герман уже почти сдался, услышал в парке знакомый насмешливый голос:

– И что же ты хочешь от меня, Вальтер?

– Тебе не кажется, что это несколько странно? Зачем ты сделал для них исключение? На тебя это не похоже.

– Может, они мне взятку дали? – Савелий точно насмеялся, но Герман не мог точно угадать его чувства из-за головной боли и каши накопленных чужих эмоций. И его собеседника тоже.

– С тобой вообще можно нормально разговаривать? Это все плохо закончится. Ты понимаешь, что я имею в виду. – Вальтер не сдавался, но Герману уже не было до них никакого дела.

– Декан Кишман, – довольно грубо вмешался Герман, в несколько шагов пересекая разделяющее их расстояние, – мне нужно с вами поговорить. Это касается нового курсанта, Альберта Кельвина.

– Курсант Герман, – в тонкой нитке поджатых губ декана читалось недовольство, однако глаза смотрели все так же насмешливо, словно Герман спас его от раздражающей темы, – тебя не учили хорошим манерам?

– Альберт Кельвин, – настойчиво повторил он. – Мне нужно поговорить с вами о нем. Срочно.

Кишман сощурился, будто взвешивая в уме, как поступить с наглым учеником. Герман же с усилием сдерживал клокодавшее в груди раздражение. Знал, что нарушает субординацию, но отступить уже не мог.

– Оставь свое «срочно» при себе. – Учитель Гротт грубо его прервал. – Декан Кишман, вы совершенно распустили дисциплину на втором потоке. Это неприемлемо.

Вальтер Гротт преподавал тактику и стратегию, и Герман слышал, что они с деканом Кишманом вместе учились. Больше ничего узнать не удалось, учитель Гротт не подпускал никого слишком близко, всегда был серьезен и собран. Герман поймал его холодный взгляд и понял, что учитель внимательно изучает его. Что-то холодное коснулось висков, мягко, успокаивающе. Проникло глубже, внося в бурлящие мысли и эмоции порядок. Как Герман сразу не догадался. Ментальный маг...

Он попытался стряхнуть с себя чужое воздействие, но оно оказалось слишком мощным. Уровень силы запредельный.

– Вальтер, – декан решил вмешаться, – учитель Гротт, перестаньте копаться в моих кур-сантах.

Холод исчез. Герман выдохнул, вынужденно признавая себе, что на долю секунды успел испугаться.

– Простите. – Он склонил голову, пряча лицо. – Я не хотел вам мешать.

Собираясь уходить, Герман снова пересекся взглядами с учителем Гроттом. Его эмоции были скрыты, и Герман решил больше не испытывать судьбу и, еще раз извинившись, пошел прочь.

Ситуация очень резко приобрела неприятный оборот. Один из учителей, возможно, менталист, и это не играло бы особой роли, если бы не появление Альберта в училище. Герман торопливо свернул в аллею, ведущую к казарме, размышляя по пути. Можно предположить, что Вальтер Гротт причастен к истории с потерей памяти. Зачем ему это? Да и доказательств у Германа пока не было, ментальный дар еще не делал из человека злодея и убийцу, Герман по себе знал. Но и в подобные совпадения тоже не очень верилось.

Нужно как-то сказать Берту, кто он такой, так будет честно. Но Герман все еще сомневался, не принесет ли это еще большего вреда. Надо будет почитать про последствия ментального вмешательства такого порядка, прежде чем что-либо предпринимать. Человеческий разум непредсказуем.

Герман так задумался, что едва не столкнулся с выходящей из казармы Стефанией. Ее высоченная мрачная подруга, конечно же, маячила за ее спиной.

– Эй, смотри, куда идешь! – возмутилась Стефания.

– Прости, – извинился Герман и хотел пройти мимо, но девушка оказалась прилипчивой.

– Что за парень сидит в нашей комнате? Говорит, что он твой друг. Не води больше своих друзей без предупреждения.

Манеры девицы оставляли желать лучшего.

– Это Альберт, и он будет жить в нашей комнате, – терпеливо пояснил он. – И, предупреждая возражения, у него есть подпись вахтерши, так что все вопросы к ней.

Если у Стефании и были возражения, Герман их уже не слышал, только чувствовал, как в спину ударило горячим гневом. Вспыльчивая штучка эта Стефания, стоит быть с ней поосторожнее. Герману она не нравилась, но, признаться, вызывала любопытство.

На подходе к жилому блоку Герман почувствовал присутствие постороннего. Заглянул в комнату и застал Альберта весело болтающим с рыжим парнем, живущим напротив. Недавно он примкнул к компании Ролана, но после первой же стычки позорно сбежал. В принципе правильно сделал, потому что стычка была как раз с Германом.

– Опаньки. – Рыжий заметил Германа и немного занервничал. – Муж пришел, а я без парашюта.

Шутку Герман не понял, и парень соорудил обиженную физиономию.

– Я пришел мириться. Меня, кстати, Рене зовут, если ты вдруг запамятовал. Рене Вильтрауд, потомственный артефактор из семьи потомственных артефакторов. Гений, обаяшка и ваш новый лучший друг.

Он приложил два пальца к кожаному ремешку странных больших очков с черными круглыми стеклами, которые всегда носил на лбу.

– Рене рассказывал мне про училище и про тебя, – поделился Альберт восторженно. – Ты правда один разогнал целую банду? Откуда здесь банда? А ты научишь меня драться, я, кажется, не умею?

Герман закатил глаза. Этого еще не хватало, сейчас Берт от великого ума выболтает все про себя первому встречному.

– Не надо нам лучших друзей, – сказал он Вильтрауду. – Иди и поищи их где-нибудь в другом месте.

– Ну не будь таким букой, – махнул рукой Рене. – Мы с красавчиком уже подружились, так что у тебя нет выбора. А?

Он протянул руку, хитро улыбаясь. Герман чувствовал его эмоции и догадывался, в чем причина такой дружелюбности.

– Боишься, что Ролан решит отомстить за предательство? Я тебя защищать не собираюсь, так и знай.

Рене, похоже, воспринял это как согласие.

– Отлично! Тогда погнали в столовку, пока там все не разобрали.

Кормили в училище три раза в день, и меню не отличалось разнообразием, но еда всегда была полезной и сытной, а больше и не надо. По крайней мере Герману. К тому же на первом этаже общежития была небольшая кухня.

Во время завтрака, обеда и ужина общая столовая дарила новичкам незабываемые ощущения вроде толкучки в очереди за вторым и совершенно несладкого чая. И это еще не считая того, что располагалась она в стороне от казарм и до нее еще нужно было добраться после занятий.

– Я бы глянул, как ты вчерашнюю капусту ешь, – пакостно хихикнул Рене, лавируя между курсантами с двумя полными тарелками. Когда очередь дошла до Альберта, то на подставленный им поднос шлепнулся половник с кашей, а рядом неаккуратно плюхнули охапку зеленого салата. Голодные после занятий парни и девушки отпихнули страдальца в сторону, где его уже ждал со своим подносом Герман. Судя по страдальческому выражению лица, Берт быстро понял, что попал в ад.

– Я не выдержу, – пожаловался он, когда они вдвоем пытались отыскать нужную тренировочную площадку из пяти, где у них должно сейчас пройти занятие по фехтованию. Мимо носились туда-сюда старшекурсники, которым до проблем поступивших дела не было. Берт страдал, разумеется, не молча, потому что долго молчать был физически не в состоянии. У всех есть свои маленькие и не очень слабости, считал Герман, слушая его причитания. С этой можно было скрепя сердце смириться.

– Выдержишь, куда ты отсюда денешься, – по-своему успокоил Герман.

Мрачные мысли немного отступили, но он все равно был погружен в себя. Альберт переключился на комментирование всего увиденного по пути из столовой, так что на некоторое время ему не требовалось ответов. Герман только вздохнул спокойно и тут увидел, как со стороны казармы идут Стефания и Ситри, и настроение тут же рухнуло куда-то очень глубоко вниз.

Впервые у него появилось желание прогулять урок.

Урок 4

В настоящем бою не всегда побеждает сильнейший

– И чего вы столпились, как стадо баранов? Быстро построились!

Вялая толпа всколыхнулась, поднимая удивленные лица на грозный голос Вальтера Гротта, и вытянулась в линейку. Никто не ожидал увидеть старшего преподавателя тактических наук на занятии по фехтованию, первые четыре недели вел другой учитель. Герман сразу увидел в этом дурной знак, хотя прежде в приметы не верил.

Гротт прошелся вдоль образовавшейся шеренги, дошел до конца, развернулся на каблучках и, приложив ладонь к лицу, недовольно пробурчал:

– Бездари.

Услышал его только Герман, оказавшийся как раз в самом конце построения. Даже Берт, первый день наряженный в слишком строгую для него студенческую форму темно-синего цвета с белыми вставками по бокам и на воротничке, удостоился места посолоней. Проще говоря, он был предпоследним. Герман подавил ухмылку, продолжая тянуть подбородок и держать спину. Как бы его ни пытались унижить, он внушал себе, что выше любых издевок и способен выдержать и худшее отношение. Особенно теперь, когда на пальце поблескивало кольцо-блокатор, куда более сильное после настройки Вальтером, чем прежде.

Получив утром, перед построением, свой артефакт обратно, Герман не спешил его надевать. Учитель Гротт не внушал ему и капли доверия, и в то же время Герман видел в нем старшего и более опытного мага со схожими способностями, что Гротт совершенно спокойно подтвердил. Однако от желания делиться своими проблемами Герман все-таки сдерживался. Кто знал, что могло происходить в голове человека, так тщательно скрывающего свои эмоции, ведь даже его гордое лицо всегда казалось беспристрастным.

Вальтер прошелся вдоль шеренги в обратном направлении, быстро и, судя по вскрикам, очень болезненно выправляя стойку каждого второго курсанта.

– И чему вас только Дженоу учил? – Вопрос был больше риторическим, но тут же нашелся желающий ответить:

– Стойкам...

– И выпадам, – добавил девичий голосок совсем близко от Германа.

– Ну, допустим. – Вальтер заложил руки за спину и отошел на несколько шагов к выкатной стойке с тренировочным оружием. Снял сверху два деревянных меча. – Кто-нибудь готов показать, на что он способен? – Цепкий взгляд Вальтера пробежался по опущенным головам, чуть дольше задерживаясь на Германе. Берт рядом нервно заерзал, тут же привлекая к себе внимание, и Герман почувствовал, как тому неудобно. – Курсант Грэм? – Взгляд Гротта метнулся в другой конец колонны.

– Я! – Названный сделал шаг вперед.

– Кто должен быть первым?

Ролан, как и все, удивился вопросу, но быстро отыскал в нем плюс для себя. Мстительно улыбнувшись, он переглянулся с Вуди:

– Пусть Герман идет. Он самый умный из нас, так пусть покажет свое мастерство. Не все же языком трепать.

– Курсант Герман? – Гротт обратился к нему, и Герману ничего не оставалось, кроме как выйти вперед. С самого первого дня своей новой жизни в училище он старался не выделяться и привлекать к себе как можно меньше внимания. Но чем больше старался, тем хуже получалось. Вальтер бросил ему ученический меч, Герман умело поймал его в воздухе и вышел на площадку, усыпанную песком. Примерился к рукояти, взвесил тренировочное оружие в руке, размял кисти.

– Нападай, – велел Вальтер. – За меня можешь не волноваться.

Герман нахмурился, безрезультатно пытаясь прочесть его намерения. Для него учитель Гротт был не самым удобным противником, даже если опустить его явно преобладающие навыки владения холодным оружием. Глухой эмоциональный барьер сводил преимущества самого Германа почти на нет, и все, что он мог, – вскинуть меч и броситься сломя голову на противника, метя в основание шеи. Он не надеялся на быструю победу, строго говоря, не надеялся на победу вообще, но и проигрывать с первого удара не собирался.

Вальтер с ухмылкой отступил в сторону, даже не пытаясь блокировать удар и позволяя Герману по инерции уйти вперед и открыть спину. Развернулся, направляя клинок вверх, чтобы обрушить на него, но Герман уже успел присесть, широко расставив ноги, и, раскручиваясь, ударить по ногам. Гротт допустил две ошибки: он не блокировал удар, действуя преднамеренно медленно, видимо, желая наглядно показать, к чему приводят необдуманные атаки. И он не оценил изворотливости обычного деревенского парнишки, едва успевая подпрыгнуть и позволить мечу просвистеть параллельно земле.

– Хитро. – Гротт усмехнулся, приземляясь на ноги и ловя равновесие. Атака оказалась неожиданной, словно Герман с самого начала планировал его обмануть. Секундной задержки хватило Герману, чтобы кувырком, подняв клубы пыли, откатиться в сторону и подняться. – Неплохо. Но ты циркач или боец?

По ряду расслабившихся учеников пробежался смехок.

– Разве это имеет значение, пока я жив? – Герман перевел дух и передернул плечами, удобней перехватывая меч. Первый раунд он не проиграл, хотя и победой это пока не назовешь. Вальтер не походил на человека, который стал бы долго играть с противником. Учитывая разницу в подготовке, он скорее закончит этот показательный бой в несколько ударов. Более того, Герман был уверен, что следующая его атака поставит в нем финальную точку.

Вальтер перехватил рукоять обеими руками, поднял вверх, доводя гарду до уровня лица, будто примеряясь к сопернику, и без предупреждения сделал выпад с левой ноги. Герман же следил за правой, ожидая иного маневра. Не зная, как правильно блокировать этот удар, он поступил так, будто от этого зависела его жизнь. Увернувшись вбок, он в любом случае не успел бы уйти с линии поражения – Гротт был слишком быстр. Попробовать отбить в сторону означало снова открыться более ловкому и опытному противнику. Счет шел на секунды. Герман молниеносно развернулся, пропуская клинок в миллиметрах от груди, и, воспользовавшись вынужденной заминкой Гротта, одной рукой оплел его выпрямленные руки, выкручивая их. Отчаянно сцепил зубы и схватился за лезвие ладонью, стремясь выхватить оружие из ослабевших пальцев. Однако Вальтер легко вывернулся из неловкого захвата и сам выбил меч у зазевавшегося парня. Герман просто не успел ничего понять.

– В реальном бою заточенная кромка раскроила бы тебе ладони до кости, – безжалостно бросил учитель, поднимая с земли меч Германа. – Это было бы оправданно, будь ты хоть немного опытнее. Но сейчас ты подписал себе приговор. Воин, лишившийся рук, никому не нужен.

Германа накрыло направленной волной ледяного снисхождения. Таким образом Вальтер показывал ему, насколько правдив в своих словах. Не издевался – говорил так, как есть.

– Из этого боя можно извлечь несколько простых уроков. – Гротт отправил мечи в стойку и, заложив руки за спину, прошелся вдоль ряда вновь подтянувшихся курсантов. – Настолько простых, что я бы хотел услышать их от... Грэм!

Парень вздрогнул и промолчал.

– Шаг вперед, курсант!

Ролан подчинился.

– Я вас слушаю, – поторопил Гротт. – Ваши выводы.

– Ну... Он вам проиграл.

– Не настолько простые, курсант Грэм. Что вы скажете о самом бое?

– Он не владеет основными приемами фехтования, дерется грязно и неумело. Деревенский стиль. – Ролан вошел во вкус и гаденько хмыкнул. – Позор для курсанта Училища военно-магических дисциплин.

Альберт дернулся к нему, но был остановлен твердой девичьей рукой. Маленькая хрупкая брюнетка, стоящая рядом, приложила палец к губам, и Берт отчего-то ей подчинился.

– Вернитесь в строй, Грэм, с вами все ясно. – Гротт поджал губы и покачал головой. – Печально, очень печально. А теперь все послушали меня. Два вывода, до которых вы сами оказались не в состоянии додуматься. Первый – оцените противника, прежде чем нападать, и оцените свои шансы. У Германа их не было, поэтому он придумал обманный ход, на который я чуть не попался. Второй вывод – если шансов нет и противник на голову вас превосходит, боритесь так, как умеете. Ваша жизнь выше правил. Есть возражения?

– Никак нет! – радостно отсалютовал Рене, тоже стоящий где-то ближе к концу построения. – Все предельно ясно!

– Заткнись, Рене, – прошипела соседка Берта по строю и толкнула его локтем.

Герман ждал и терпел изучающие его взгляды сокурсников. Гротт не позволил ему вернуться в строй, значит, испытание для него еще не закончилось. И оказался прав.

– Я поторопился выходить против тебя. – Учитель повернулся к замершему по стойке «смирно» парню. – Выбери себе соперника твоего уровня. Как насчет...

Он заскользил взглядом по нестройному ряду, заставляя учеников краснеть, бледнеть и покрываться нездоровыми пятнами. Только на Берта вдруг напала беспричинная активность. Он вытянулся во весь свой немалый рост, завертел головой и даже пару раз скромно подпрыгнул, едва не отдавив ногу своей соседке. Очень хотел, чтобы Герман выбрал его.

– Меня, меня, меня... Назови меня... – бормотал он, как заклинание, и на него уже начали нехорошо коситься. Герман молчал.

– ...Джон Мэй? – Гротт кивнул на маленькую брюнетку с раскосыми черными глазами. – Ваш учитель, Дженао, упоминал, что у нее нестандартный стиль боя.

Герман снова проигнорировал просящую мордашку друга, оценивая Джон. Потянулся к ней мысленно, ослабляя действие кольца, и едва заметно улыбнулся. Девушка внутри оказалась такой же хорошенькой, что и снаружи. Ровная, гладкая, как шелк, уверенная сила, к ней хотелось прикоснуться и впитать приятную ласкающую прохладу. Но драться с Джон Герман не хотел. Взгляд скользнул дальше, нашел хмурое лицо Стефании и быстро вернулся обратно.

– Я буду биться с Кельвином.

Берт издал восторженный возглас, разом сдав себя с потрохами. Герман наклонил голову, пряча глаза. Его решение было продиктовано вовсе не дружеской симпатией или, как, вероятно, подумало большинство, желанием выбрать противника послабее. Судя по ощущениям – горячим и пульсирующим, как огромное сердце, – ему это было настолько необходимо, что могло пробудить спящую память.

– Я готов! – Берт выскочил на середину поединочного круга, нашел глазами стойку с оружием и вдруг замер на месте, как изваяние.

– Альберт. – Герман понял его намерения и попытался вразумить. Он тоже заметил этот притягательный блеск среди деревянных клинков, к которому уже тянул руки Берт.

– Курсант Кельвин, немедленно остановитесь, – вторил ему учитель Гротт. – Положите шпагу на место! В столовой с вилками играть будете. А это боевое оружие.

Вальтер увел у него из-под пальцев узорную позолоченную гарду. До Германа донеслось эхо почти детской обиды и огорчения, но по Берту и так было видно, как он расстроился.

– Зачем здесь боевое оружие? – спросил кто-то из строя. Вопрос резонный, но, судя по всему, Гротт и сам был немного удивлен.

– Отставить разговорчики, – гаркнул он и повернулся к Герману и Берту. – А вы что встали?

Им обоим вручили по деревянному мечу и отправили обратно в круг.

– Ты видел ее, Герман? – Берт встал напротив и машинально принял стойку – одна нога чуть впереди, другая отставлена, носок повернут в сторону, корпус развернут, чтобы больше обезопасить себя от внезапной атаки. Меч в вытянутой руке метит острием точно в глаза противнику. – Она шикарна! Я ее хочу.

Вальтер дал отмашку, и Герман не стал отвечать, сосредоточившись на поединке. Стадию оценки можно смело миновать, ведь Герман постигал искусство фехтования под началом Альберта и прекрасно изучил его сильные и слабые стороны. Как и тот его. Нужно было заставить Берта вспомнить.

Герман резко выдохнул и пошел в атаку. Мечи скрестились с громким стуком, Альберт и не думал избегать столкновения, с азартом принимая удар на повернутый плоской стороной клинок, отбил, отпрыгивая назад, и тут же сам пошел вперед, занося меч по диагонали и метя в нижний левый сектор. Герман разгадал его маневр раньше, чем поднял свой клинок в универсальной защите.

Их поединок походил на танец. Берт улыбался, легко размахивая деревянным мечом. Знакомые привычные ощущения. Он делал шаги и выпады не задумываясь, будто это было для него естественно. Герман тоже вошел во вкус, с захватским уханьем обрушивая на верткого противника град ударов. Альберт скакал по площадке, уворачиваясь и награждая друга меткими, но неопасными уколами.

– Хватит. Достаточно. – Вальтер вскинул руку, останавливая парней. – Было бы интересно проверить, сколько вы оба выдержите, но на это не хватит времени. Давно тренируетесь вместе?

Герман открыл рот, но тут же закрыл его. Сказать правду? Он посмотрел на улыбающегося Берта и передумал, момент был неподходящий.

– Первый раз.

– Да-да, – охотно подтвердил Альберт, поспешно приглаживая перепутавшиеся кудри. Золотистые завитки вылезли из-под ослабших заколок и торчали в разные стороны. Герман твердо встретил пыливый взгляд Вальтера, в котором явно читалось сомнение. Возник секундный соблазн снять свою хлипкую защиту и показать ему все, что творилось в голове, однако Герман, напротив, только ее усилил, выжимая из блокатора всю мощь. Он не был уверен, что может довериться этому человеку, как и любому другому. Не тогда, когда дело касалось единственного друга.

– Ладно. – Гротт кивнул. – Молодцы.

Альберта пришлось буквально тащить на себе прочь от тренировочной площадки, чтобы тот снова не попытался сцапать понравившуюся шпагу. Желание заполучить ее окутывало его густым удушающим облаком, от которого почти что слезились глаза. Герман узнал этот клинок, сложно было не сделать этого после того, как Берт налетел на нее голодным коршуном. Любимая шпага Альберта, он таскался с ней повсюду с пятнадцати лет, даже имя ей дал, правда, его-то уж Герман вспомнить не смог. Или это было не совсем имя?

– Я ее хочу, – упрямо повторил Берт, плетясь за другом к зданию казармы. Герман знал и этот тон, не предвещающий ничего хорошего. Теперь Альберт в лепешку расшибется, но придумает способ исполнить свой каприз. Сколько раз это уже повторялось...

– Забудь, – велел он строго. – Носить реальное оружие в стенах училища запрещено. Уясни это, а лучше запиши где-нибудь.

Хотелось добавить про дырявую память, но Герман сдержался. Отвернулся, чтобы скрыть выражение своего лица. Может стать, Берт прав и эта шпага ему на самом деле знакома. И отсюда возникает интересный вопрос. Что Берт и его шпага делают в училище порознь?

– Курсант Герман! Курсант Кельвин! Задержитесь, пожалуйста.

Герман едва не споткнулся от неожиданности. Их окликнул учитель Гротт, и это не добавляло оптимизма. Учитель скрестил руки на груди, ожидая их возвращения, и сразу заявил, минуя предисловия:

– Думается мне, курсант Кельвин узнал это. – Он продемонстрировал шпагу, и глаза у Берта радостно загорелись, сдавая его с потрохами. – Не помню, чтобы вы сдавали оружие при зачислении.

Герман так просто не собирался все выбалтывать:

– Или он просто любит оружие.

– Вот совпадение, я знаю еще одного человека, который тоже очень любит оружие, – холодно улыбнулся Гротт, – но у него профессия такая, а вот почему ваш друг пускает слюни конкретно на эту шпагу, вопрос.

Тем временем Берт, точно зачарованный, подошел ближе и протянул руки к шпаге. Гротт позволил ему взять ее, и рукоять легла в ладонь как влитая, золоченая спираль любовно обвила кисть, защищая. Альберт взмахнул шпагой, и сталь радостно загудела.

– Это она, Герман. – Он счастливо захихикал, взвешивая клинок и делая пробный взмах. – Эспада.

– Как ты ее назвал?

– Эспада, – повторил Берт, наслаждаясь звучанием этого слова. – С двойной заточкой, чуть легче короткого меча, но почти такая же опасная. Смотри, как блестит. Ей можно наносить как рубящие, так и колющие удары. – Он резко взмахнул шпагой, и острый кончик пронесся в сантиметре от носа Германа.

– Перестань, – проворчал он. – Ты как ребенок.

Альберта это не сильно волновало, он всюду примерялся к оружию, вполголоса нахваливая его возможности, и даже не замечал, что говорил вещи, которые ему нынешнему не должны быть знакомы.

– Ой, смотри. – Он вдруг замер, поднося клинок к лицу. – Тут что-то... Буквы?

Он вдруг дернулся и, выронив шпагу, схватился за голову. Гротт был ближе и успел схватить Берта за плечи прежде, чем тот упал.

– Что происходит? – испугался Герман. Берту, кажется, было очень больно, он скулил и пытался вырваться, а Гротт продолжал держать его. Герман не мог понять, что происходит, но ощущал, как колеблется ментальный фон вокруг них. В итоге Берт все-таки вырвался, но устоял на ногах, навалившись на Германа.

– Вы что такое сделали! Это же вы! – Дыхание перехватило, Герман едва не закашлялся, но продолжил: – Вы менталист, я знаю. Если это вы с ним что-то сделали, я вас под инквизицию подведу!..

Хоть пострадал только Берт, ментальная мощь Гротта оказалась такой сильной, что даже у Германа заболела голова. Уровень не меньше третьего. Самое то, чтобы, к примеру, подчинить человеку память.

Вальтер выглядел удивленным, но не виноватым.

– Понятия не имею, что произошло. Ваш друг всегда был настолько чувствителен к ментальной магии?

Герман нахмурился:

– Если не вы, то кто? По закону любые манипуляции с человеческим сознанием такого уровня запрещены.

– На глаз прикинул уровень? – хмыкнул Гротт. – Что вы пытаетесь от меня скрыть, курсант Герман?

Берт вполне очухался, и можно было уходить. Герман не собирался пока ничего рассказывать, особенно после случившегося только что. Кто может сказать, виновен ли Вальтер Гротт

или нет? Он читал Германа как открытую книгу, и это было особенно обидно потому, что сам Герман оказался перед ним точно слепой котенок. В груди вскипала злость, но парень уже мог достаточно ясно соображать, чтобы понять – тягаться с бывалым менталистом ему пока не под силу, угрожать законом – малоэффективно, а других вариантов он не видел. Разве что только попробовать договориться...

– Простите, – пробормотал Герман, убеждая себя, что идет на попятную только ради Берта. – Возможно, все дело в этой шпаге.

Он поднял глаза и увидел, что Вальтер кривит губы в недоброй ухмылке. Гротт пригладил замаявшийся камзол и оправил манжеты. Герман зацепился взглядом за тонкие бледные пальцы и поблескивающий на большом пальце тонкий ободок золотого кольца.

– И то, что в голове вашего друга неплохо покопались задолго до меня, вы тоже объясните? Хотели что-то скрыть? От кого-то или, – кивок в сторону бессознательного юноши, – от него?

Герман хотел ответить: «Не ваше дело», – но был не в том положении, чтобы дерзить. Раньше держать себя в руках было проще. Возможно, потому что, кроме себя, некого было защищать. И он просто промолчал.

Альберт застонал и ухватился за локоть Германа.

– Давай уйдем, – попросил он шепотом жалобно. – Пожалуйста.

– И все из-за какой-то шпаги? – Вальтер наклонился и подобрал оружие. – Чем же она так важна?

Берт протер глаза, размазывая слезы.

– Герман? – позвал он растерянно. – Я хочу уйти!

Гротт кивнул, отпуская их, но Германа не оставляло чувство, что они не уходят, а сбегают и избавиться от внимания учителя уже не получится. А хорошо это или плохо, покажет время.

– Ты как? – спросил Герман, едва поспевая за размашистым шагом своего длинноногого друга. – Голова не болит? Может, забежим в медкабинет?

Берт только сильнее сгорбился, будто его тянуло к земле непонятной силой. Герман все-рез встревожился, догнал его, и тут Альберт резко остановился.

– Ты не можешь мне рассказать, да? – спросил он, обернувшись.

Пояснений не требовалось, все и так было понятно.

– Не могу, прости, – Герман покачал головой. – Я знаю, это кажется странным и диким, но я действительно не могу. Понимаешь... Это слишком сложно. И опасно.

Большие фиалковые глаза Берта подозрительно заблестели.

– Значит, тебе лучше со мной не дружить, – решил он по-своему.

– Почему же?

– Потому что это опасно, а я не хочу, чтобы из-за меня кто-то пострадал, – повторил Берт слова Германа, только вот понял он их неправильно. – Тем более такой хороший человек, как ты.

– На твоём месте я бы не спешил с оценками, – усмехнулся Герман. – И дело вовсе не в том, что могу пострадать я или кто-то еще. Речь идет о твоей безопасности. Лучше всего будет, если пока ты сольешься с общей студенческой массой, посидишь тихо, пока я во всем разберусь.

– Почему ты хочешь сделать это для меня?

Герман передернул плечами. Вопрос был, в сущности, простым, и ответ Герман знал, но сказать его – все равно, что нарушить собственный запрет.

– Не хочу, чтобы пострадал такой хороший человек, как ты, – ответил он.

Берт всерьез надумал обниматься посреди аллеи, ведущей к общежитиям, но Герман неплохо успел изучить его, чтобы вовремя уклониться.

– Эй, полегче! Не радуйся раньше времени, я же могу не справиться, и тогда... – он осекся, понимая, что не может вот так просто сказать о своих подозрениях.

– Ты хочешь сказать, что тогда меня могут найти и убить? – с совершенно идиотской улыбкой уточнил Берт. Смотрелось это странно. – А ты хочешь меня защитить. Неужели ты делаешь это ради меня? Мы были друзьями?

– Да.

– Я это чувствовал! – воскликнул Альберт и все-таки поймал Германа в тиски крепких радостных объятий. И, судя по девичьим смешкам вдалеке, без свидетелей эта сцена не обошлась. – Спасибо! Ты такой крутой, Герман!

– Ну хватит, – прошипел Герман, выпутываясь из кольца рук. – Если ты согласен оставаться в неведении и довериться мне, то держи рот на замке, ладно? Остальное я сделаю сам.

На душе стало легче, пусть и не вся правда была произнесена. Заручившись поддержкой друга, Герман почувствовал, как с плеч свалилась часть груза, что он на себя взвалил. А это, как говорится, уже полдела.

Урок 5

Сколько теорию ни учи – студентки все равно на преподавателей смотрят

Очередная ночь в компании этих двоих придурков самым скверным образом сказалась на настроении Стефании, и на утренней зарядке она была неудержима, оставив большую часть скептически настроенных парней с открытыми ртами. Ситри беспокоилась, хотя кому, как не ей, знать, что Стефания по своим физическим показателям куда сильнее, чем кажется на первый взгляд. А внешность, как известно, чаще всего обманчива.

Один из их новых соседей, Альберт, умудрился за пару часов вывести из себя даже суровую телохранительницу. Непрерывно болтал, что-то спрашивал, тут же перебивал и принимался рассказывать какую-то чепуху. Стефании было известно, что особенно безмозглые мужские особи таким образом пытаются произвести на девушек впечатление. Вот только какое именно впечатление хотел произвести на них этот назойливый блондин, он, видимо, и сам не знал. Герман, напротив, за целый вечер и двух слов не произнес, не вылезал из своего угла, но Стефания до сих пор краснела, припоминая их самую первую встречу. Пожалуй, этот парень был даже красив. Волосы теплого каштанового цвета мягко вились, закручиваясь в колечки на шее, тяжелый взгляд карих глаз светился умом и немного – тщательно скрываемой иронией. Кроме того, он высок и складен, но не такой длинный и тощий, как Альберт. И умел не навязывать свое общество.

– Мы пришли, хо... Стефания, – пробасила Ситри и кашлянула. – О чем вы задумались?

– Не вы, а ты, – машинально поправила она и нахмурилась, злясь на себя. – Ни о чем. Пошли в класс.

Аудитория была довольно небольшой, светлой и – Стефания поморщилась – очень шумной. Курсанты гомонили, кружили по кабинету беспорядочно, как сонные мухи, только что не сталкивались между собой. За время путешествия Стефания успела немного отвыкнуть от такой многолюдности. Она окинула бардак прищуренным взглядом и целенаправленно промаршировала к незанятому столику. Бросила на него сумку и чинно присела на стул. Определенно сегодня ее все раздражало.

– Эй, детка! – к парте подкатил какой-то невнятный субъект в мятой форме, которая как бы мяться и не должна. – Как тебя зовут? Мы на уроке фехтования виделись. Ты хорошенькая, кстати.

Он был рыжим, наглым и неопрятным. Стефания решила никак не реагировать на его присутствие и продолжила смотреть прямо перед собой. Если дураков игнорировать, они отвяжутся, по крайней мере обычно срабатывало.

– А я Рене, – не унимался парень. – Ты одна си...

Грозная тень упала на него сзади, оказавшаяся не менее грозной и тяжелой рукой Ситри. Она молча схватила Рене за волосы и с силой ткнула лицом в стол.

– Она со мной, – пробасила Ситри, и пагуба еще сильнее вжалась ему в щеку. – Есть возражения?

У Рене не оказалось возражений, особенно после того, как мимо проплыла миниатюрная красавица Дзюн Мэй и одарила униженного парня ехидной улыбочкой. То есть это ему показалось, что ехидной, для остальных же в лице Дзюн вообще ничего не поменялось.

Когда Ситри уселась рядом, а курсанты стали обтекать их стол по широкой дуге, дверь снова распахнулась, и в кабинет вошли Герман и Альберт, причем последний сонно позевывал. Его мутный страдальческий взгляд нашел Стефанию.

– О! Смотри, это наши девочки!

Герман резко выпрямился, будто ему штырь в спину вставили. Казалось, после несдержанного возгласа Берта все устали в их сторону.

– Что ты сказал? – Ситри начала подниматься с самыми угрожающими намерениями. – Я что-то не расслышала.

Стефания хмыкнула и скрестила руки на груди. Останавливать подругу она не собиралась. А предупредить, что Ситри не слишком жалуется, когда с ней обращаются как с обычной девчонкой, они как-то забыли. Ну, с кем не бывает.

– Ну... наши... эээ... – заблеял Берт, и Герман отвесил ему стимулирующий подзатыльник. – Ничего. Я ничего не сказал. Да, Герман?

Огромные груди Ситри замерли в сантиметрах от вскинутых ладоней Берта. Осознав, что еще немного, и он бы за них схватился, Берт смертельно побледнел и отшатнулся, отдав Герману ногу. Форменные ботинки имели очень тяжелую подошву и металлические набойки, так что взвыл Герман неожиданно для него громко. Альберт принялся извиняться, буквально повиснув у него на плече, Ситри замерла напротив, грозно уперев руки в бока. И в итоге только Стефания заметила приход преподавателя.

– Это Эрн... – услышала она восторженный шепоток за спиной. – Тот самый Дамиан Эрн...

Чем же он так знаменит, Стефания уже не слышала. Прозвучал сигнал к началу урока, и учитель, чуть припадая на одну ногу, подошел к столу и, игнорируя кафедру, сел за него. Парты, облюбованная Стефанией, располагались как раз напротив, третья в ряду, и она отлично видела жуткий рубец на лице учителя, начинающийся чуть ниже виска и белесой змейкой уходящий под ворот рубашки.

Берт и Герман поспешили занять места позади своих соседок. Последним ввалился Ролан и сел на самой галерке.

– Все заткнулись. – Голос Эрн, хоть и был довольно тихий, легко перекрыл все волнения. – Замечательно. Говорить можно, когда я спрошу, выходить можно, когда я разрешу. Задавать вопросы можно – смотри пункт первый.

– Но как же отпрашиваться, если говорить первому нельзя? – удивился Вуди и озадаченно надул губы.

– Поэтому для идиотов я разделил это на два разных правила.

Вопросы сразу отпали.

– В вашем расписании это занятие числится как «Базовые основы теории и практики магических потоков». Так вот, не верьте. Нет такого понятия – теория магии. Есть только практика. И не важно, как хорошо вы изучите эти самые базовые основы, – хрипловатый, точно простуженный, голос учителя изобразил нечто похожее на каркающий смешок, – вооруженные только ими, вы сдохнете в первом же бою. Ах, да, мне же запрещено внушать курсантам такие мысли, как я мог забыть?

И снова этот зловещий смешок. Стефанию он пробирал до костей, как ледяной ветер, хотя к последнему она привыкла. Учитель Эрн выглядел молодым. Издалека. Но Стефания обладала достаточно хорошим зрением и интуицией, которую принято называть женской, чтобы разглядеть обожженную кожу запястий и тонкие белые шрамы на широких сильных кистях. А еще у Дамиана был очень взрослый взгляд, таким смотрят не на залитый ласковым солнечным светом кабинет, а на поле боя, выбирая момент для атаки. Определенно первый урок Стефанию не разочаровал, пусть он и только начался. Сильных людей она привыкла уважать.

– Но сейчас уже давно никто не воет, – подал голос кто-то с задних рядов. – И никто не собирается подыхать.

– Плохо усваиваете правила, молодой человек. – Учитель сцепил пальцы и с хрустом их выгнул. – Это было первое предупреждение.

Второго Стефания получить бы не хотела, и незнакомый ей любитель глупых замечаний тоже.

– В учебниках, которые вы, надеюсь, уже взяли в библиотеке, на первой же странице дана схематическая классификация магии. Мы будем рассматривать ее на протяжении ближайших десяти занятий, и если за это время вы ничего не поймете, то это не моя вина.

Чем дольше Стефания слушала, тем больше симпатизировала Эрно. В отличие от лучшего лживым добродушием декана Кишмана он был настоящим мужчиной, а не казался им. Ситри раздобыла все необходимое на первое время, в том числе и нужные учебники. Означенная таблица занимала весь разворот, и Берт, сидящий позади Ситри, испустил тоскливый вздох.

– Слабак, – пробормотала Стефания и взялась за ручку, приготовившись конспектировать. Взгляд Германа холодил затылок, впрочем, возможно, ей это только мерещилось.

– То, что принято называть магией, не что иное, как совокупность манипуляций, которые можно производить с энергией магических потоков, берущих начало из Источника, – негромко вещал учитель, наблюдая за притихшими студентами. – Поясню. Источник находится в Визании, точнее, Визания находится вокруг Источника магии, но об этом вам лучше расскажут на других уроках. Но если уж совсем интересно, то Источник в упрощенном виде – это огромный перепутанный клубок, от которого нити магических потоков расходятся в разные стороны. Визания защищает Источник и распределяет магическую энергию между обитаемыми мирами в соответствии с тем, что считает справедливостью. А ее, как известно, в реальности не существует. Но это лирика. Итак, магические потоки как нити, из которых маги плетут нужные для активации того или иного действия узоры. Вы пока эти потоки видеть не можете, поэтому просто перейдем к сухой классификации.

Стефания наслаждалась звучанием низкого надтреснутого голоса, не забывая укладывать информацию на полочки в своей голове. В ее задачу не входило стать лучшей ученицей, но всегда будут те, кому рано или поздно захочется утереть нос. Поэтому она все слушала и запоминала.

– Начнем с трех базовых категорий: неорганическая магия, органическая магия и артефактная магия. Каждая из трех категорий делится на ряд подкатегорий. Самой тяжелой в использовании, не затрагивая даже чисто морального аспекта, считается органическая. В нее входят все воздействия на тело и разум живого существа, как то: менталистика, целительство, все виды работы с духовной энергией, в том числе некромантия, как работа с остаточной внутренней энергией. Если вдаваться в подробности, то можно продолжить перечень, но сейчас вам этого не надо.

Альберт сзади беспокойно завозился, и Герман строго шикнул на него, как на непослушного ребенка.

– В неорганической магии вас в первую очередь коснется ее созидательная ветвь, а именно стихийная магия. Стихий, как всем известно, четыре – Огонь, Вода, Земля, Воздух, однако реже, но все же встречается усиленная предрасположенность к какому-то конкретному сегменту Стихии. Так, в магии Земли часть ученых выделяет классификации с символическими названиями Дерево, Песок или Глина. Само собой, это лишь условное деление, и личные способности каждого человека под них не подстраиваются.

Он рассказывал так, будто просто делился своими наблюдениями, Ситри прилежно вела свой конспект, а Стефания скоро о нем забыла, воображая себе размах сил, которыми ей предстоит овладеть. Она непременно вернется домой гораздо более сильной, чем была когда покинула его. Замечтавшись, она пропустила целый отрывок из лекции и отвлеклась только после того, как кто-то поднял руку и учитель Эрно милостиво кивнул.

– А почему ментальная магия считается самой тяжелой?

Брови Стефании против воли скакнули вверх. Оказывается, блондин с по-коровьи тупым взглядом способен на умные вопросы?

– Не только ментальная, но если вам интересно именно это... – Эрно чуть скривил тонкие губы, видимо, изображая вежливую улыбку. – Это потому, что люди в большинстве своем настолько глупы и эгоистичны, что влиять на их ограниченный мозг деликатно почти невозможно, а грубое вмешательство способно повредить эти самые мозги окончательно и бесповоротно. Но, само собой, официальная версия сходится на том, что психика разумных существ слишком тонкая и сложно организованная материя, чтобы легко в нее вторгаться.

Первый вариант показался Стефании больше похожим на правду, и она с удовольствием отметила, что пока их мнения с учителем сходились.

«Почему вы улыбаетесь?» – написала Ситри на полях ее тетради, Стефания вспыхнула, жирно заштриховала вопрос чернилами и сурово сдвинула брови. Не хватало, чтобы еще кто-то заметил.

– Понятно, – с сомнением протянул Альберт. – А зачем вообще лезть человеку в голову? Это же ужасно.

Класс, не стесняясь, грохнул со смеху над горе-моралистом. Даже Дамиан улыбнулся более натурально, отчего шрам, задевающий щеку, некрасиво сморщился.

– Представьте, что вы вышли против превосходящего вас противника. Помощи ждать неоткуда, ваши физические данные несравнимы. Но у вас есть туз в рукаве. – Он постучал пальцем по лбу. – И вы заставляете противника обернуть собственный меч против себя же. Просто внушаете ему мысль о самоубийстве. Не скажу, что это легко, но возможно, если вы талантливый и опытный ментальный маг.

Студенты притихли, обдумывая ситуацию. Стефания украдкой скользнула взглядом направо, налево, отмечая изменения на лицах сокурсников. Кого-то подобная идея заинтересовала, как ее саму, кого-то оставила равнодушным, как забавная байка, но кое-кто пришел в священный ужас. Губы Стефании сложились в презрительную ухмылку. Такие идеалисты никогда не станут настоящими воинами. А она станет.

– Если ментальные маги имеют настолько сокрушительную силу, почему бы не собрать из них элитное подразделение? – внезапно спросила она, и Эрно не стал ее одергивать. – Группа таких бойцов может заменить целую армию.

– Может, – кивнул он. – Но, к счастью, менталистов по пальцам пересчитать. Строго говоря, они рождаются всего в трех мирах из 270 обитаемых. Капля в море. И подумайте еще кое над чем. Они могут контролировать вас, а вы их? Едва ли.

Его болотно-зеленые, как речная тина, глаза немигающе уставились на Стефанию, и она прямо встретила этот взгляд.

– Могу и я задать вопрос? – Герман вскинул руку и, получив разрешение, спросил: – Если ментальные маги так опасны, почему их до сих пор не истребили?

– А вы жестоки, молодой человек. – Эрно одобрительно покачал головой. – Это бессмысленная акция. Менталистов настолько мало, что их сначала надо отыскать, а уж потом, как вы выразились, истреблять. Кроме тех, что стоят на учете, полно незарегистрированных, и они не спешат идти с повинной. К тому же в большинстве своем менталисты довольно замкнутые и эгоистичные личности, не склонные к работе в команде, проще говоря, они просто не смогут объединиться в таком количестве, чтобы представлять реальную угрозу. Они и по двое собираются лишь на этапе ученичества.

– За ними есть какой-то контроль? Ведь по идее опытный менталист может грабить, обманывать и убивать сколько ему заблагорассудится. Как на него повлиять?

Эрно посмотрел на любопытного курсанта с некоторой долей одобрения:

– Я вижу, вы заинтересованы в вопросе. Ну что ж. Контроль за деятельностью ментальных магов также входит в юрисдикцию органов инквизиции. Хотя сейчас в инквизиторы берут кого ни попадя, а еще потом удивляются, что магических преступлений становится все больше.

Германа ответ удовлетворил, по крайней мере он снова замолчал. Стефания слышала возню за спиной и, чуть повернувшись, обнаружила, что Берт что-то увлеченно строчит на выданном из тетради листке.

Учитель вернулся к плану лекции, но через четверть часа его снова прервали, на сей раз это было вмешательство извне.

– Прошу прощения, что вынужден помешать вашему занятию. – В аудиторию ворвался декан и тут же принялся в своей манере громко извиняться: – Простите, простите!

– Чего тебе, Кишман? – Эрн медленно поднялся, незаметно под столом помогая себе рукой разогнуть больное колено. – Лекция еще не закончилась.

– Я потому и пришел. – Савелий с улыбкой развел в воздухе ладонями. – Вы уже объявили курсантам о начале практики?

Стефания заинтересованно подалась вперед, Ситри рядом, напротив, напряженно выпрямилась, загораживая Берту обзор. Учитель Дамиан раздраженно поморщился:

– Еще рано, к тому же это не твоя обязанность, а моя, коль уж ты осчастливил меня ведением теоретического курса.

Яд так и сочился из его голоса, но декан этого совершенно не замечал:

– На вчерашнем собрании практику для первого курса второго потока перенесли на неделю раньше. Вот я и забежал сказать. – Он демонстративно посмотрел на часы. – До конца урока еще пятнадцать минут. Введите ребят в курс дела.

– Кишман, ты... – Стефания готова была поклясться, что с языка Эрн вот-вот сорвутся проклятия, но мужчина сдержался. – Ладно, понял. Ты начальник, а мы так, персонал.

– Вот и отличненько, – обрадовался Кишман и скрылся за дверью.

Класс в едином порыве жадного любопытства уставился на Эрн. Учитель не спеша вернулся к столу, сел, вытянул ногу и только после всех этих манипуляций обратил внимание на учеников:

– В чем дело?

– Так что там с нашей практикой? – Знакомый рыжий прилипала рискнул высказаться за всех. Дамиан посмотрел на него так, будто впервые про это услышал:

– А что непонятного? Со следующей недели у вас начинается практика, по результатам которой самых бездарных из общей бездарной массы отчислят. Если этого мало, проведите расследование. Мне некогда нянчиться с вами.

После занятия Стефания кивнула Ситри, и та отловила Альберта за химо́к, когда тот уже почти выскользнул из аудитории. Его друг с философским видом остановился поодаль и облокотился на крайнюю парту.

– Пусти! – взвизгнул Берт. – Что за произвол? Герма-а-ан!

Ситри ослабила хватку, и он дернулся, высвобождая ворот кителя из ее пальцев. Стефания подошла к двери, выглянула в коридор и, вернувшись в класс, прикрыла дверь.

– Надеюсь, ни у кого из вас нет желания вылететь из училища? – Она в первую очередь посмотрела на Германа и, получив отрицательный ответ, удовлетворенно кивнула: – Отлично. Тогда ты, – она ткнула пальцем в Альберта, – пойдешь в деканат и разузнаешь подробности.

– Почему я? – возмутился он, однако Стефания уже все решила.

– Потому что ты кажешься самым безобидным и, как ни противно это признавать, умеешь нравиться людям. И не смотри на меня так! Я не то, что остальные, понял?

Герман тихо усмехнулся, и Стефания развернулась к нему:

– А ты пойдешь к старшекурсникам. Они должны поделиться опытом.

Парень перестал усмехаться и нахмурился:

– Почему я?

«Почему я», «Почему я». Все парни такие тугодумы? Стефанию это раздражало.

– Потому что ты выглядишь серьезнее своего дружка и тебя могут принять за своего.

Герман какое-то время так пристально изучал ее, что Стефании показалось, будто она как минимум забыла надеть юбку.

– Что?

– У меня есть встречное предложение, – лениво обронил он. – Ни один старшекурсник не устоит перед хорошенькой юной первокурсницей, я слышал, в том году был недобор по женской части. Тебе нужно будет просто улыбаться и хлопать ресницами.

Ситри насупилась, перехватила свою сумку на манер пращи и приготовилась атаковать наглеца, а сама Стефания вспыхнула до корней волос и, размахнувшись, вlepила парню хлесткую пощечину. Голова Германа мотнулась в сторону, и он едва устоял на месте, но в лице совершенно не поменялся, и это страшно злило Стефанию. Никто не смеет так с ней обращаться. Она повторно вскинула руку, но ее кисть внезапно перехватил Альберт.

– Не надо, пожалуйста. Ты делаешь ему больно. Зачем?

Стефания дернула рукой, но Берг держал крепко. Ситри крутанула сумку за ручку, примериваясь, а потом с громким гэканием обрушила ее на парня. Учитывая силу и старание Ситри, ему не позавидуешь, однако он ловко увернулся от «снаряда» и удивленно воззрился на девицу:

– Вы что делаете? Разве так обращаются с друзьями? Скажи им, Герман.

Стефания опешила. Друзьями?

– Ты правда такой идиот?

Герман отклеился от парты и, пройдя к выходу мимо Берта, хлопнул его по плечу:

– Оставь их. Они тебя не понимают. – Уже в дверях он остановился и, не оборачиваясь, сказал: – Мы все узнаем, но не потому, что ты так хочешь.

Стефания проводила ребят взглядом, чувствуя, что в своем плане упустила что-то важное. Понять бы только что.

– Что не так, Ситри? – Она повернулась к подруге. – Почему мне кажется, что они победили?

Телохранительница пожала плечами, ничуть не раздосадованная неудачей:

– Может, вам стоит быть немного проще? Эти люди совсем другие, ваши слова могут показаться им... резкими.

Стефания досадливо закусил губу. Она не привыкла, чтобы ее поучали, да и Ситри прежде никогда этого не делала.

– Не знаю, – пробормотала она. – Может, ты и права.

Урок 6

Не все новые знания стоит сразу пробовать на себе

Известие о предстоящей практике поставило на уши весь первый курс второго потока, особенно после того, как выяснилось, что первый поток в ней участия не принимает. То, что будущие офицеры в училище на особом счету, секретом не было, но с таким явным проявлением дискриминации новички сталкивались впервые. Старшекурсники отказались обсуждать подробности практики, поэтому план Стефании провалился, так толком и не начав претворяться в жизнь. Девушка моментально вышла из себя, и ребятам пришлось срочно бросить занятые позиции и целый час прятаться на улице, чтобы не попасть под горячую и довольно тяжелую руку. Когда они наконец вернулись обратно, то почти сразу услышали страшный скрежет, шипение, кряхтение и, как итог, механический голос, вещающий из ниоткуда:

– Вновь поступивших курсантов второго потока после завтрака просим собраться в медицинском крыле для прослушивания обязательного краткого медицинского курса. Предупреждение от студсовета – выживут не все...

После завтрака, на который Герман не успел благодаря Альберту, второй поток, разбившись на группки, направился в сторону медицинского крыла. К некоторому его удивлению, класс оказался довольно небольшим светлым помещением, стерильно чистым и белым, какими обычно бывают больницы, и, судя по количеству парт, весь поток сюда просто не поместится. Похоже, их поделили на группы.

– Не стой на проходе, – мимо протиснулась Стефания, весьма ощутимо ткнув локтем под ребра. Подруги сели в самый центр, и Герман ощутил исходящую от Стефании обиду. На него? Но разве не она сама виновата?

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил он у Альберта, но тот все равно не понял вопроса и, пожав плечами, прошел к облюбованной парте.

С сигналом о начале занятия открылась дверь, и в кабинет неуверенно заглянула лохматая русоволосая голова:

– Можно? – Парнишка оглядел курсантов, робко поморгал и просочился внутрь. Его встретила гробовая тишина. – Ну... Я ваш учитель на сегодня. А может... может, и навсегда.

Тишина стала какой-то тяжелой. А потом Рене резко откинулся на спинку стула и выдал без стеснения:

– Разводной ключ мне в...

Дзюн с задней парты с суровым лицом огрела его по голове планшеткой.

– Ай! За что?!

Марк стушевался, улыбнулся смущенно и виновато, как будто оправдывался.

– Декан просил провести сегодня занятие по традиционной медицине. – Он странной подпрыгивающей походкой прошел к доске и развел руками. – Меня зовут Марк Хатти... в общем, можете называть меня стажер Марк. И мы сегодня...

– Стажер Марк, – одна из девушек, с которой Герману не приходилось близко пересекаться, нагло встряла, – а у вас подружка есть?

По бледной коже медмага разлилась краска:

– Что... К чему этот...

И стоило только проявить слабину, как смущающие вопросы и откровенные подтрунивания полетели со всех сторон. Урок был окончательно и бесповоротно сорван. Герман отвернулся к окну, гадая, какой идиот догадался поставить преподавателем их ровесника? Это... это даже не смешно.

– Надо ему помочь, – горячо зашептал Берт. – Это же просто ужасно.

Марк как раз пытался взять дисциплину под контроль, но его буквально подняли на смех. Все-таки люди – жестокие существа.

И Берт поднял руку:

– Простите, стажер Марк. – Он тепло улыбнулся, разливая вокруг присущую ему навязчиво-благожелательную атмосферу. – Какая будет тема?

Марк уцепился за этот вопрос, как утопающий за соломинку, и тут открылась дверь.

– Что здесь происходит? Стажер Марк? Объяснитесь немедленно, почему ваш первый урок похож на курятник?

Герман вздрогнул, когда в кабинет вошел мужчина в белом форменном халате. Это был мастер Гош, начальник медицинского крыла, один из выдающихся медмагов современности. Студенты-медики на него буквально молились, а Герман старался обходить стороной после того, как во время комиссии перед поступлением Гош его едва не запорол.

– Я... – затравленный взгляд Марка забегал по кабинету, – знакомился с ребятами.

– И поэтому они ржали на весь этаж, как сытые полковые лошади?

– Мастер Гош...

– Стыдно, стажер Марк. – Гош взял со стола тетрадку, свернул в рулон и наотмашь врезал ему по затылку. Дернулся даже Герман, что уж говорить про беднягу Марка.

– Мастер Гош!

Герман опомнился и постарался прощупать этого медика. Защиты на первый взгляд никакой, но Гош будто что-то почувствовал, обернулся и оглядел замерших студентов:

– Так. Второй поток. Наслышан-наслышан. – Он сунул Марку в руки тетрадку. – Чтобы ни одного лишнего звука, стажер. Или будет, как в прошлый раз.

Рука Марка метнулась куда-то за спину, но парень заставил себя вытянуться по струнке:

– Есть, мастер Гош! – Правда, вместо ладони козырнул тетрадкой, но, к счастью, Гош оплошности не заметил. Проходя мимо Германа, он задержал на нем взгляд, ненадолго, но достаточно, чтобы это не сошло за случайность.

– Жуууть, – простонал Берт, роняя голову на сложенные руки. – Он такой страшный!

В этом Герман был с ним согласен, но, разумеется, ничего не сказал. Марк решился-таки начать занятие, голос его постепенно окреп, юный медмаг перестал суетливо дергаться и постоянно озираться на дверь. Студенты тоже пришли в норму, только негромко перешептывались и хихикали в кулачки. Но стоило лишь озвучить тему практической части, как все понеслось по новой.

– Декан велел оценить ваш уровень общемедицинской подготовки, так что мы сейчас разобьемся по парам и быстренько закрепим основы. Начнем с искусственного дыхания. Очень часто среди боевых групп не оказывается медмага или хотя бы простого врача, так что это вы все обязаны уметь.

Герман не дрогнул, зато Берт рядом судорожно сглотнул. Заглянул в конспект друга и побледнел.

– Приподнимите подбородок пострадавшего, в смысле вашего партнера, одной рукой и запрокиньте его голову назад, – продолжал инструктировать Марк, не обращая внимания на оживление класса. – Зажмите нос партнеру, сделайте глубокий вдох и обхватите ртом его рот. Сделайте два сильных выдоха. С кого начнем? Вы, идите-ка сюда.

Рене вальяжно прошествовал к выдвинутой на середину кушетке и подмигнул ближайшей девушке. И пока он раздавал авансы, Марк вызвал его партнера.

– Я не буду с ним целоваться! – после секундной паузы, спровоцированной не иначе как шоком, выпалил Рене. Альберт виновато улыбнулся и разлегся на кушетке во весь свой рост. Даже зажмурился от усердия и губы трубочкой вытянул. Под дружный хохот Рене опустил на глаза очки и, набрав от всей души побольше воздуха, припал к его рту. Берт только ногой конвульсивно дернул.

– Отлично! – похвалил отдувающихся и фыркающих ребят Марк. – Давайте следующие. Вуди вышел к кушетке и затравленно заозирался. Марк придиричиво окинул учеников близоруким взглядом:

– И вы, пожалуйста. И не бойтесь, это вам же на пользу.

Стефания поднялась, и Вуди вдруг всплеснул руками и заголосил:

– Ой! Может, не надо, а? Может, не надо?

Но девушка уже подошла и легла на кушетку. Герман чуть приподнял брови, удивляясь ее покорности. Вот Стефания устроилась и замерла. Вуди склонился над ней...

– Нет! – Он вновь отпрянул и запричитал визгливо: – Я не могу так! Она... она на меня смотрит. Пусть она глаза закроет! Закройте ей кто-нибудь глаза!

Марк перевел взгляд с него на нее и обратно:

– Ну вы что, в самом деле. Это же несложно.

Стефания резко села, сгребла Вуди за воротник и прошипела:

– А ну живо перестал верещать и взялся за дело.

Вуди мигом побледнел, схватился за грудь и захрипел. Пришлось срочно искать ему замену. Герман почти не удивился, когда вызвали его.

Стефания и правда глядела очень и очень нехорошо, будто обещая отомстить за унижение где-нибудь в темном коридоре. И она могла. Особенно ему.

Герман вдохнул и наклонился. Девушка продолжила смотреть на него ослепительно голубыми глазами. Почти как зимнее небо.

– Спасать будешь или нет? – одними губами прошептала она, и Герман осторожно припал к ним. Сделал все по инструкции, внимательно и вдумчиво. В конце концов, это же не настоящий поцелуй, просто практикум, за который начислят баллы. Не обращая внимания больше ни на что, он вернулся на свое место.

После окончания занятия девушки ушли первыми, а вот Герман специально задержался. Поймал за локоть Рене и оттащил в сторону.

– Повезло тебе, – сразу захныкал рыжий. – С девчонкой целовался, а я с твоим красавчиком. Ну почему мне Дзюн не досталась...

Герман поморщился:

– Не будь идиотом, это просто урок.

– Побольше бы таких уроков, я бы...

Он натолкнулся на холодный взгляд Германа и вскинул руки:

– Ладно, ладно. Больше не буду. Пойдем лучше, там, говорят, список групп для практики вывесили. Уф, хоть бы я с вами!

Он еще что-то болтал по дороге в административный корпус, где и правда уже висел список команд. Герман быстро нашел себя, с ним был Альберт, что уже хорошо, Рене, что значения не имеет, два парня, с которыми Герман особо не общался, и... Стефания!

Урок 7

Неудачная компания – не приговор, а диагноз

Жить в постоянном напряжении оказалось куда сложнее, чем подозревала Стефания, и мириться со своим положением было бы чуточку проще, если бы не их с Ситри соседи. Беззаботность и инфантильность Альберта в буквальном смысле сводили с ума, Стефания не могла понять, как можно быть таким наивным? Герман же казался серьезней своего друга, но при ближайшем рассмотрении тоже далеко от него не ушел. Там, где Стефания пришла бы в бешенство, он лишь пожимал плечами.

А еще он был чертовски хорош собой. И это тоже было проблемой.

Практики она ждала с замиранием сердца. Где-то внутри теплилась надежда, что эти двое получат по заслугам и вылетят из набора до инициации. Тогда комната будет принадлежать им с Ситри и можно будет не шушукаться по углам. Пару раз Ситри едва их случайно не сдала, хотя Стефания почти не сомневалась, что эти двое все равно бы ничего не поняли. С ними бок о бок живет настоящая принцесса, пусть и относительно небольшого мира, а если бы они узнали, может, Герман бы перестал задирать нос. Ведет себя так, будто все на свете знает, и этот его понимающий взгляд буквально выводил из равновесия. Но больше всего ее раздражало, что она постоянно о нем думала, особенно когда засыпала. Было бы глупо влюбиться в кого-то вроде него.

Сразу после завтрака их собрали на тренировочной площадке перед казармой и велели разделиться на команды согласно списку. И тут все пошло не по плану – в последний момент принесли другой список, и Стефания с облегчением узнала, что их с Ситри прикрепили к другой команде и ей не придется мириться с умником Германом и его чудным другом в своей группе. Ситри Альберт нравился, это чувствовалось сразу – телохранительница во всем, что не касалось служебных обязанностей, была пряма как палка. А вот Стефания не хотела отвлекаться, поэтому обрадовалась неожиданным пертурбациям. Их обеих зачислили в команду Ролана, главного заводилы училища, местного «плохого парня», впрочем, Стефании было наплевать на его репутацию, главное, чтобы не мешался.

Взгляд Германа скользнул по Стефании, она поежилась и демонстративно повернулась к соседу спиной.

– Построились! – рявкнул главный куратор практики, Дамиан Эрно, и оглядел подтянувшихся в относительную шеренгу первокурсников. – Долго возитесь, противник не будет ждать, пока вы перегруппируетесь и решите, кто из соратников вам больше нравится.

– Он ведь это несерьезно? – шепотом поинтересовался Альберт у Германа, но тот лишь передернул плечами. Стефания сделала вид, что не слышала.

– Выстраиваемся группами в очередь к двум рабочим телепортам. Вы узнаете их по стоящим рядом с ними учителям Гротту и Кишману. Они же выдадут вам письменные инструкции. Все, поехали.

Дамиан развернулся и поковылял прочь, заметно прихрамывая. Ученики загомонили, начали спрашивать друг у друга, кто что понял. Стефания фыркнула и первой направилась в сторону административного корпуса, позади которого, на плацу, еще вчера заметила какие-то загадочные приготовления. Как оказалось, устанавливали переносные телепорты.

Возле двух одинаковых овальных рам, блестящих на солнце хромированными боками, стояли означенные учителя и переговаривались между собой. При появлении курсантов они вернулись на свои места и приготовились выдавать инструкции и отправлять группы на задания. Стефания стояла в начале очереди и напряженно вглядывалась в овал телепорта, который выглядел довольно незамысловато – широкая металлическая пластина в основании плотно упиралась в землю, и от нее отходили едва заметные ниточки проводов, исчезающие внутри

хромированной рамы. Изредка пространство в ней вспыхивало фейерверком сиреневых искорок, отчего казалось, что телепорт сейчас взорвется. Когда до Стефании дошла очередь, она получила рюкзак и инструкцию и смело сделала шаг внутрь арки...

Перемещение прошло мгновенно, совершенно неощутимо, как будто закрыл глаза, а кто-то сменил картинку.

Почти мертвую, звенящую сверчками тишину нарушил хлюпающий звук. Подошва некогда чистых армейских ботинок мгновенно погрузилась в зеленую жижу.

– Буэ, – высказал свое недовольство Ролан, со смачным чавканьем отрывая от земли ногу, и ему тут же ответила зычная лягушка.

– Кажется, она с тобой не согласна, – хохотнула Ситри и подхватила под руку хозяйку. А вот Стефании было не до шуток – резкий кисловатый запах ударил в нос, вкупе с телепортацией вызывая желудочные спазмы. Сил хватило лишь на то, чтобы отскочить к ближайшему дереву и согнуться пополам, избавляясь от не очень-то и вкусного завтрака.

– Ну почему-у-у-у? – простонала Стефания, с трудом удерживаясь о ствол покрытой мхом сосны. Мало того что она ощущала себя вывернутой наизнанку, так им еще и повезло оказаться посреди болот. Мерзких, мокрых, зловонных болот.

Ситри погладила ее по спине, сорвав хриплый всхлип, и осмотрелась. «Дверь» телепорта вывела их напрямиком в ароматную лужу на опушке редкого, с проплешинами, хвойного леса. В другую сторону тянулось покрытое мхом и кочками поле, пройти по которому девушка бы не решилась ни за какие коврижки.

Мальчишки бочком оттеснились в другую сторону, разворачивая инструкции. Стефания сумела перебороть рефлекс, а может, в ней просто ничего не осталось, и тоже развернула листок. Ей безумно хотелось сесть, но не везде было безопасно даже стоять, поэтому она решила лишний раз не перемещаться. Хотя бы до тех пор, пока не сможет составить план дальнейших действий.

А план был настолько прост, что даже не смешно. Все необходимое для поиска неприятностей было бережно собрано в рюкзаки за их плечами. Местонахождение оружия отмечено на карте синим крестом, красным, чуть ли не в самом центре топи, рябила в глазах контрольная точка.

– Так! – Стефания выпрямилась и попыталась привлечь внимание остальных. – Слушаем меня. Сейчас мы все собираемся и идем за оружием, доходим до координат...

– Эй, а кто сказал, что мы будем тебя слушать? – отозвался Ролан, убирая листок с инструкциями в нагрудный карман кителя. Он вышел вперед и возвысился над Стефанией минимум на голову.

– Да чтобы нами девка какая-то командовала? Еще чего, – поддакнул из-за спины Вуди, всегда готовый поддержать своего старшего товарища.

Стефания даже опешила. До сего момента она ни на секунду не сомневалась, что является в их наскоро сколоченной команде главной, и никак не ждала сопротивления.

– Совсем идиоты? – она даже не нашла ничего объективней, чем покрутить пальцем у виска. – Мы должны действовать сообща.

– А мы и будем действовать сообща. Только командовать буду я, усекла? – парень ударил себя кулаком в грудь и круто развернулся, увязая каблуками в мягкой земле. – Так, салаги, построились и за мной шагом марш.

И уверенно двинулся куда-то в глубь леса. Ситри сверилась с картой, Стефания покосилась на компас.

– Э-эй, Ролан, ты картой хоть пользоваться умеешь?

Парень на ходу оглянулся, хотел резко ответить, но даже в его дурную голову не пришло дерзить Ситри. Вместо этого он многозначительно хмыкнул и повел свой отряд дальше. Когда их спины скрылись за ближайшими деревьями, Стефания зло пнула спасительную сосну ногой:

– Идиоты! Тупые идиоты!

– Да, хозяйка. – Ситри внимательно читала инструкцию и качала головой в такт злобным излияниям. Вокруг девицы роились тучи кровососущей мошкары, но та их словно не замечала, даже не пыталась отмахнуться. Стефания, напротив, после первого же весьма болезненного укуса грязно выругалась. Ситри удивленно покосилась на хозяйку, но никак ее манеры не прокомментировала.

– Что там? – Стефания выдернула из ее рук листы. – Големы, значит. Папа про них рассказывал. Хм, каменные? – Она хмыкнула. – Да их за версту видно будет. Кто придумывал условия практики?

Продолжая бормотать в том же духе, она быстро пробежалась по пунктам инструкции, раскладывая по полочкам нужную информацию.

Големы – существа, магическим образом созданные из неживой материи, глины, камня, песка, даже грязи. Управляющая формула наносится на любой подходящий носитель и вкладывается в тело голема, в данном случае – в живот. Контролировать существо можно на расстоянии путем манипулирования связывающими магическими потоками.

На этом месте Стефания остановилась. Поскольку инициация ей только предстояла, разрывать связывающие потоки она не могла, поэтому необходимо было оружие, чтобы физически уничтожить носитель управляющей формулы. И отсюда вытекала главная проблема.

– Надо спешить. – Она торопливо закинула рюкзак за спину. – Если мы придем к тайнику с оружием первыми, сможем диктовать свои условия. А если нет...

Ситри вовремя схватила ее за локоть, удерживая почти на весу. Земля на том месте, куда та едва не наступила, вздулась пузырем, лопнула, и в воздух поднялось тошнотворно-желтое облачко вонючего газа.

– ...а если нет, – Стефания выровняла дыхание и продолжила как ни в чем не бывало, – то диктовать условия будут они.

– Не будут. – Ситри забрала у нее рюкзак и закинула на плечо. – Мы придем первыми.

Стефания не стала возражать и предусмотрительно позволила телохранительнице пойти вперед. Ситри соорудила из ствола ближайшей тоненькой сосенки подобие посоха и смело поскакала с кочки на кочку, только две криво заплетенные косички подпрыгивали на могучих плечах. Стефания последовала за ней след в след.

В картах они обе разбирались куда лучше Ролана, но местность будто специально ополчилась против нарушительниц загнивающего болотного покоя. На первый взгляд веселая зеленая лужайка вдруг вздыбливалась, кочки, казавшиеся незыблемыми островками суши, уходили под воду, грязь заползала в ботинки, оседала слоем дурно пахнущей влаги на одежду и волосы, тут же впитывающие затхлую вонь. А мошкара и комары вообще стали сущим наказанием! Нежная белая кожа Стефании покраснела и покрылась волдырями, лицо распухло даже по ощущениям, а невыносимый зуд сводил с ума. Казалось, встретить она сейчас хоть всех големов сразу, разобрала бы на кусочки голыми руками. Где-то жалобно надрывалась невидимая птица, и со всех сторон ей отвечал целый хор горластых лягушек.

Стефания лягушек не любила.

– Что там с пунктом назначения? – хмуро бросила она в спину Ситри. Телохранительница сверилась с картой и компасом:

– Полчаса пешего пути, если ничего не случится.

– Ничего не случится, – отрезала Стефания, за спиной укладкой скрешивая пальцы.

Помогло не очень.

Точка, отмеченная синим, неуклонно приближалась. Девушки ускорились, не забывая об осторожности, но когда Стефания увидела земляной холм посреди унылого монотонного пейзажа, не сдержала радостного возгласа. Она сделала лишь один шаг в сторону, и этого хватило.

– Bölþun! – Ситри схватила ее за воротник, но та увязла в трясине уже по колено. – Я велела идти по моим следам! Что было непонятного?!

Обычно она не позволяла себе вольностей в присутствии хозяйки, а особенно вольностей по отношению к ней. Но Ситри очень, очень разозлилась, а еще больше испугалась, но личной телохранительнице, связанной клятвой крови и собственным желанием, не пристало признаваться в своем страхе.

– Я вас вытащу. – Ситри напряглась, и литые мускулы заходили под курткой. – Как только окажетесь в безопасности, не вставайте. Ползите дальше. Ясно? – Стефания молчала, тяжело дыша. – Ясно, я спрашиваю?

– Да.

Ситри вдохнула и резко выдохнула, с глухим хканьем вышвыривая хозяйку из трясины на узкую тропку между кочками. Ее собственные ноги моментально погрузились в жидкую грязь, которая даже не колыхнулась, принимая новую жертву. Вес тела и легкого, но все же металлического доспеха потянул ее на дно.

Стефания приземлилась на четвереньки и, не поднимаясь, оглянулась назад. Ситри уже погрузилась по пояс.

– Ситри! – Стефания попыталась подняться, но руки и ноги не слушались, и она повалилась лицом в грязь, отплевываясь и глотая слезы. – Ситри, я сейчас...

– Не смей, – спокойно возразила телохранительница, приложила руку к груди, и от этого движения болото издало жадный вздох и втянуло жертву в себя еще на ладонь. – Я верно служила вам и вашей семье. Моя смерть достойна моей жизни. Делайте как я велела. Живо!

Стефания всхлипнула и поползла прочь. Толстые косы полоскались в вонючей жиже, руки жгло от укусов и еще какой-то ядовитой дряни, которой, казалось, было пропитано все вокруг. Она остановилась, обессиленно рухнув на ставшую сухой землю, и услышала издевательский голос:

– Опаздываешь, дорогуша.

Стефания села и снизу вверх, сквозь нависшую на глаза сырую слипшуюся челку, посмотрела на ухмыляющегося Ролана. Позади него с охапкой оружия стояли его дружки.

– Подружка тебя бросила?

В голове у Стефании щелкнуло. Она тяжело встала на колени, пока не уверенная, что подняться на ноги хватит сил, и заговорила:

– Она застряла в трясине. Помогите вытащить ее и можете выдвигать свои условия.

Стоять перед этим ублюдком на коленях было унижительно, и Стефания мысленно представляла, как разделается с ним позже. Сама. Так, как ее учили дома.

– Что ты можешь мне предложить? – Ролан присел на корточки, чтобы заглянуть ей в лицо. Протянул руку и пальцем размазал грязь по ее щеке. – Полное подчинение? Ты признаешь мое лидерство?

– Да! – Стефания едва поборола желание зажмуриться от омерзения и, не глядя, сломать ему руку минимум в трех местах. И она знала, что легко смогла бы это сделать. Но позже, сейчас нельзя. – Спасите мою подругу.

– Вы, бабы, такие жалкие. – Ролан кивнул товарищам, и те двинулись в сторону, откуда приползла Стефания.

Стефания же не нашла в себе сил пойти с ними, боялась увидеть на месте, где оставила Ситри, пузырьки выходящего на поверхность кислорода.

Спустя примерно четверть часа она поднялась на негнущиеся ноги и пошла туда. На полпути ее перехватила Ситри, грязная, воняющая тинной, насквозь сырая, но живая и невредимая.

– Что вы им обещали? – Кивком указав на мнущихся позади нее парней, она схватила Стефанию за грудки и встряхнула так, что зубы клацнули.

– Что мы будем их слушаться, пока не вернемся в училище, – прямо ответила Стефания, и Ролан гнусно хихикнул.

– Глупо. – Ситри поставила хозяйку на место. – Мне нужно мое оружие.

Она забрала у одного из ребят свой меч, а Стефании сунула в руки облегченную секиру с посеребренным полумесяцем лезвия.

– Эй, я не разрешал! – Ролан сделал шаг вперед, но меч Ситри преградил ему путь.

– Полегче. – Она заслонила собой хозяйку. – Мы дали слово, мы его не нарушим.

Ролан справился с собой и с достоинством, как ему казалось, кивнул:

– Ладно, но приказы буду отдавать я.

Почувствовав привычную и приятную тяжесть оружия, Стефания любовно провела ногтем по идеальной заточке и улыбнулась. На покрытом коричневой коркой с разводами слез лице улыбка выглядела жутковато.

– Благодарю. Это то, что нужно.

Первая группа получила стопку бумаг и по одному шагнула в искрящуюся неизвестность. Со стороны посмотреть – человек перешагивает препятствие и исчезает, буквально растворяется в воздухе, будто погружаясь в прозрачную жидкость, разъедающую плоть вместе с костями. От такого зрелища даже внешне равнодушного Германа передернуло, а Берт внезапно обнаружил в себе склонность к нездоровым фантазиям. Однако постепенно очередь редела, и Герман первым из своей команды оказался перед Вальтером Гроттом. После объявления наказания им больше не доводилось разговаривать, и сейчас Герман в полной мере ощутил внезапное желание довериться этому человеку. Иного выбора не оставалось – с каждой их встречей Гротт узнавал все больше и мог прийти к неверным выводам. К тому же, как ни мерзко это признавать, ситуация с памятью Альберта требовала посторонней помощи.

– Прочтете по прибытии. – Учитель протянул инструкцию и, не позволив Герману ее коснуться, добавил: – Я оставил подарок. Найдешь его и вернешь после. Удачи.

Герман схватил листовки и кивнул.

Перемещение было точно таким, каким он себе его представлял. Тугой комок тошноты, подкативший к горлу и камнем ухнувший обратно в желудок, цветная бело-сиреневая вспышка перед глазами, и вот уже земля больно бьет по груди. Хорошо еще, что, ожидая подобного, парень выставил перед собой руки и тем самым спас лицо. Нос защекотала сухая травинка, Герман, не сдержавшись, громко чихнул, вскочил и торопливо огляделся.

Его выкинуло на крошечную полянку, поросшую густой травой, местами доходящей до колен. Одурающе пахло свежестью подступавшего со всех сторон леса, уши в первые секунды заложило от звонкого птичьего чириканья, от нагретой за день земли исходило приятное тепло.

Герман взялся за кольцо, приготовившись сканировать пространство, и в тот же миг из ближайших кустов выскочил человек и радостно завопил:

– Аааа! Я спасен, я спасен!

Герман уклонился от объятий, просто уйдя чуть вправо, и крикун по инерции пролетел вперед, рухнув в траву и подняв стайку мелких голубых бабочек. Одна из них приняла взлохмаченные рыжие волосы за диковинный цветок и присела отдохнуть.

– Рене? – Герман задумчиво прикусил губу. – А где Берт?

– Мне почем знать? – Он поднялся, раздраженно смахнул бабочку и принялся неловко отряхиваться. – Я только-только вывалился, чуть концы не отдал. Хреновые у них артефакторы, папая говорил, при перемещении так колбасить не должно.

Герман постарался пропустить тираду мимо ушей – манера речи сокурсника его корбила.

– Где Берт? Он разве не шел прямо перед тобой?

– Мы поменялись. – Рене выплюнул попавшую в рот травинку. – Испугался наш красавчик.

Это он мог, но Герман не собирался признавать этого вслух. Повернувшись спиной, он нырнул в кусты. За ними обнаружилось то, что Герман назвал бы джунглями, хотя своими глазами видел впервые – иллюстрации в книгах не в счет. Они с Рене попали во влажную шумную духоту леса с его голыми высокими стволами, переплетениями лиан и огромными яркими, несомненно, ядовитыми цветами. Он удивился, причем настолько сильно, что это оказалось заметно по выражению его лица, что бывало крайне редко. Рене не пожелал оставаться в одиночестве и, сопя и ругаясь, поспешил следом за ним. Вспугнутые птицы с громким чириканьем вспорхнули в воздух.

Джунгли были живыми, Герман чувствовал. В переплетенных макушках высоченных деревьев перекликались птицы, отовсюду слышались крики, визги, уханье, что-то очень похожее на обезумевшее эхо – невероятная в своей гармоничности какофония. В мешанину звуков вплетались то детский плач, то надрывный стон, то сумасшедшее жуткое хихиканье. Лес не смолкал ни на секунду и обнимал вмиг взопревшее тело влажными горячими объятиями, от которых становилось тяжело дышать. В густом подлеске, цепляющемся за ботинки, шурушали мелкие зверьки или даже что похуже – не разглядеть.

– Где твоя инструкция? – Герман вернул себе былое спокойствие и развернул полученный от учителя листок. – Сверим их.

Ребята быстро изучили короткий столбик пунктов.

– Одинаковые. – Герман остался доволен результатом. Осталось только отыскать заблудшего Альберта. – Значит, забираем наши вещи, потом дожидаемся появления големов в контрольной точке, уничтожаем их любым доступным нам способом и ждем эвакуации. Все четко и просто.

– Ты монстр, – проникновенно поделился Рене и сунул свою инструкцию в карман. Герман отстраненно подумал, что уже не впервые слышит в свой адрес подобное и всякий раз с новой интонацией.

– Я знаю, – кивнул он и холодно улыбнулся.

Берт и еще двое парней из их группы нашлись быстро и по счастливому стечению обстоятельств – рядом с их вещами, состоящими из пяти походных рюкзаков, чуть сырых от конденсата. В них обнаружился сухпак, вода и некоторая необходимая мелочь вроде аптечки. И ничего, что помогло бы решить, как поступать дальше.

Уже все вместе без приключений добрались до тайника с оружием и обнаружили там обещанный подарок от Гротта – шпагу, принадлежащую Альберту.

– Затягивать не будем, – решил Герман и сверился с часами. – Пять минут на проверку обмундирования, и выдвигаемся.

Ребята переглянулись, синхронно пожали плечами и подчинились.

Шли весь день, который закончился куда раньше, чем ожидалось, будто душная темнота, как огромный язык, слизнула весь свет, и джунгли погрузились во мрак. Поначалу он казался непроглядным, но скоро расцветился фосфорным сиянием мшистых стволов, стайки светлячков порхали в быстро остывающем воздухе, оставляя за собой размазанные пестрые следы. Пугающие звуки стали громче и тревожнее. Берт жался к Герману, стискивая влажной ладонью рукоять своей драгоценной эспады.

Контрольная точка, отмеченная на карте красным крестом, оказалась весьма примечательным местом.

– Берт будет дежурить первым, – раздавал указания Герман, пока остальные члены его маленького отряда располагались на ночлег среди заросших травой и молодыми побегами развалин. Что бы ни стояло на этом месте раньше – деревня или город, – от него давно ничего не осталось, только разбросанные по земле камни и торчащие из буйной растительности обглоданные остовы стен, увитые лианами и ползучими цветами. Герман выбрал угол между двумя

относительно уцелевшими стенами. Рухнуть в ближайшее время они вроде не должны, зато и нападения по меньшей мере с двух сторон ожидать не приходилось.

– Ага, – уныло пробормотал Берт, но послушно сел в отдалении и положил на колени шпагу, любовно поглаживая клинок пальцами, как хозяйка гладит любимого кота.

– Если что, действуем по плану. – В этом месте Герман серьезно посмотрел на Рене, и тот замахал руками.

– Так точно, мой генерал! – воскликнул он шутливо, и Герман поморщился:

– Что в плане говорилось по поводу воплей?

– Никаких воплей... – Рене сел обратно и, привалившись к каменной кладке, принялся перебирать свои пистолеты, с которыми прибыл в Визанию, но был вынужден сдать в оружейную. У самого Германа собственного оружия не было, поэтому он выбрал стандартный короткий меч, с которым умел неплохо обращаться.

В джунглях окончательно и безраздельно воцарилась ночь. Вскрикнула невидимая в темноте птица, пронзительно и тревожно. Берт вскинул голову, обвивая пальцами рукоять шпаги, Рене выругался сквозь зубы и приготовился к утомительному, выматывающему полусну-полудреме. А Герман вытянулся на тонком одеяле и уставился в почти полностью скрытое кронами чернильно-черное небо. В нем, как на дне колодца, плавали звезды.

Сбившись на тридцать третьей, он погрузился в сон.

Урок 8

Командовать может любой, но только лидер способен отвечать за последствия своих приказов

Из Ролана вышел никудышный лидер, строго говоря, вообще никакой.

Стефания мысленно убила его уже раз десять, пока они наворачивали круги по болоту под чутким руководством этого болвана. Попробовал бы он таскать на себе полцентнера железа, рискуя угодить в трясину. Вуди тоже выглядел недовольным, но не спешил выражать свое мнение, если оно у него вообще имелось. Третий парень, кажется, Свен, шел молча, поминутно спотыкаясь и глядя себе под ноги. В нем, даже не в Вуди, Стефания видела слабое звено.

– Присматривай за ним, – шепотом велела она Ситри. – В случае опасности на него надежды не будет.

Ситри молча кивнула. Потом все же не выдержала:

– Они все слабаки. Может, лучше их... – Она многозначительно подвигала светлыми бровями, но Стефания покачала головой:

– Не вариант. Это могут засчитать за нарушение и дисквалифицировать обеих. Я не собираюсь рисковать местом в училище. Ты же знаешь, надежнее укрытия не найти.

Ситри безразлично пожала плечами. Ее беспокоила неприятная компания, но не настолько, чтобы опасаться кого-то из них или даже всех сразу. Строго говоря, она продолжала придерживаться мысли, что убрать с дороги досадное недоразумение в их лице – самое разумное решение. Каждому хватило бы по одному удару, чтобы пробыть в беспамятстве до конца испытания. Сразу станет тише, спокойнее и продуктивнее. Стефания с ней мысленно соглашалась, и все же рисковать нельзя, на кону нечто большее, чем просто диплом военного мага.

– О, это невыносимо! – внезапно взвыл Вуди, картинно вскидывая руку и прижимая ладонь к взопревшему лбу. Его пухлощекая физиономия от комариных укусов стала еще более круглой и заметно покраснела. Теперь он напоминал не купидончика, а перезрелый помидор. – Еще немного, и я умру! Точно умру!

– И всем станет легче, – пробормотала Стефания, сбавляя шаг. Как ни странно, местность немного поменялась, то есть какой-то сдвиг в сторону контрольной точки все же произошел. Ситри деловито сверилась с компасом и благосклонно покачала головой.

– О ужас! – надрывался Вуди. – Какие муки, какие му...

Он потянулся к Ролану, видимо, желая опереться на надежное плечо друга, но тот раздраженно дернулся, и Вуди едва не рухнул в воду. Тропинка вела сквозь озеро жидкой грязи, иначе эту маслянистую зеленовато-бурую субстанцию и не назовешь. То тут, то там на ее поверхности надувались и лопались пузырьки газа. Едва уловимо пахло метаном и резко – гнилью.

– Немедленно заткнись, иначе... – начал Ролан, и Стефания отвернулась. Слушать бред спесивого кретина не хотелось. Она принялась лениво изучать болото, пользуясь минутной передышкой.

– ... и наматаю на ближайшую сосну, ты меня понял?

Стефания покосилась на подругу, и Ситри наморщила нос, выражая свое презрение. И в этот момент что-то вокруг поменялось.

По матовой поверхности топи прошла рябь, будто на дне проснулось что-то очень большое, зашевелились ближайшие к тропе кочки, медленно воспаряя над водой. И совершенно бесшумно из нее поднялись три огромных голема с горящими красным огнем глазами – у каждого по одному. По грубо собранным уродливым телам стекала жидкая грязь, отваливались прилипшие к сырому камню водоросли. С тихим всплеском они падали обратно в воду, и только этот тихий звук вывел Стефанию из ступора.

– Опасность! – выпалила она и скинула с плеча секиру. Ситри встала за спиной, как всегда, готовая к хорошей битве, и вытащила из заплочных ножен меч. – К оружию!

Ролан растерялся. В панике забегал глазами по сторонам:

– Но как? Как? Мы же еще не дошли...

Но никто не стал его слушать. Болото всколыхнулось, и первый голем обрушил удар тяжеленного кулака на тропинку. Земля разлетелась влажными комьями, и образовавшуюся яму быстро заполнила вода. Девушки оказались отрезанными от парней.

– Его нужно завалить! – выдал очевидную мысль Ролан и торопливо, не слишком ловко, обнажил меч. – Вуди, Свен, окружайте его! Чего встали!

Голем вновь замахнулся, и Вуди едва успел уйти в сторону, вереща, как свинья на убое. Свен оказался менее ловок и рухнул на спину, выронив палаш, и тяжелый клинок ушел под воду.

– Что делать? – Ситри видела, как голем заносит над парнем кулак. – Спасать?

Стефания замешкалась, и в этот момент второй голем полностью вышел из болота и нацелился на них.

– Этот твой, – решила она и покрутила в руках древко секиры, примериваясь. – Перекинь меня на ту сторону.

Ситри без вопросов подставила руки и подкинула подругу в воздух. Стефания выбросила вперед руку, и тяжесть секиры добавила ускорения. Приземлившись в лужу, она перегруппировалась и замахнулась. Острое лезвие вошло в камень и раскрошило руку существа на осколки.

– Беги, придурок! – рявкнула она на испуганного Свена и снова бросилась в атаку. Ситри кружила вокруг голема, высекая из него куски своим полуторником, и, кажется, откровенно забавлялась. Стефания отвлеклась, чтобы приказать:

– Цельтесь в ноги! Их нужно повалить на спину и проткнуть живот!

– Не командуй тут, стерва! – Ролан вынырнул из-за ее спины и отпихнул в сторону. – Был уговор.

– Ты совсем тупой, что ли? – прорычала Стефания. Над ними завис каменный монстр, а он выясняет, кто из них круче. – Сражайся, болван!

Как ни странно, их обоих спас Вуди. Испугавшись, он взвизгнул и ломанулся бежать куда глаза глядят, но увяз в грязи и упал. Голем отреагировал на быстрое движение, и пока управляющая формула в его теле перестраивала алгоритм поведения, Стефания поднырнула под замершую руку и оказалась возле ног. При этом сама провалилась в болото почти по пояс.

– Помоги мне. – Она отвела секиру для удара. – Одна я не успею.

Ролан не тронулся с места. Его глаза похолодели, и Стефания с ужасом поняла, что тот не станет ей помогать. Мысленно он уже пожертвовал ею.

– Ролан! – воскликнула она и, отвернувшись, отчаянно размахнулась. Секира высекала внушительный кусок каменной плоти, но этого было слишком мало. Голем перенастроился и отмахнулся от Стефании, как от назойливого комара. Внутри что-то треснуло, она отлетела на несколько метров и проехала спиной по жидкой земле. На губах выступила кровь, и вместо дыхания из груди вырвался болезненный хрип.

– Хозяйка!

Стефания видела, как рухнул голем Ситри и сама телохранительница по нему, как по мосту, перебежала через яму.

– Все... нормально, – прохрипела Стефания, приподнялась, сплюнула кровь и утерла губы. Ролан и чудом отыскавший свой палаш Свен вдвоем пытались одолеть разбушевавшуюся махину, внезапно приняв план Стефании. Наконец у них стало получаться. Стефания с помощью подруги поднялась на ноги.

– Что сломано? – сразу определила Ситри и насупилась.

Стефания неохотно созналась:

– Ребро. Два.

– Я убью его, – просто сказала Ситри. – Ролана. Лучше не держите меня.

Стефания подумала, что это было бы просто чудесно, но на словах ответила совсем другое:

– Нет. Я же сказала, никаких нарушений.

Ситри упрямо стиснула зубы, скулы ее покрылись гневными пятнами. И тут их обеих накрыло волной болотной воды. Вторым голем рухнул, и ему на смену пришел третий.

– Помогите им. – Стефания положила ладонь на грудь, борясь с болью. – Иначе все тут поляжем.

Ситри подчинилась, и бой продолжился. Бестолковый, беспорядочный, лишенный четкого плана. Стефанию воротило от этой мышинной суеты, но в любом случае махать секирой со сломанными ребрами едва ли удалось бы даже ей. Вот тебе и практика, задание для первокурсников. Герману с таким не справиться, раз уж даже у нее не получилось...

Тошнота вернулась с удвоенной силой, может, от боли, может, немного от пережитого стресса, и Стефания глубоко вдохнула и закашлялась. Легкие работали вполсилы, дышать было больно, воздух, казалось, застревал в груди и царапал изнутри металлической стружкой. Хотелось ругаться на всех известных языках, но легче бы все равно не стало. Когда был повержен последний голем, она даже облегчения не испытала. Только усталость.

– Хо... Стефания! – Ситри на бегу закинула меч в ножны и отпихнула с дороги зазевавшегося Вуди. – Мы закончили. Нужно возвращаться.

Ролан тоже подошел к ней и без предупреждения схватил за грудки, вздергивая в воздух.

– Ты сказала, что я главный! – заорал он ей в лицо. – Какого черта тогда раскомандовалась?! Ты мне за это еще ответишь!

Ситри взяла его за шею и оттащила от хозяйки. В глазах загорелся мрачный огонь:

– Я все-таки его убью.

Берт ликовал, потрясая в воздухе шпагой:

– Ага! Как мы их, да, Герман?

Он поставил ногу на валун и горделиво вскинул голову:

– Это было несложно, да, Герман? Герма...

За спиной зашуршали приходящие в движение камни, на светловолосую макушку упала тень. Альберт вдруг ощутил затылком мерзкий холодок, будто ледяную монетку приложили. Он медленно поднял голову, а там...

– Берт! – Герман рванулся вперед, одновременно с этим могучая ручища махнула кулаком, волна воздуха пригнула густую траву на том месте, где секунду назад праздновал легкую победу Альберт. Камни продолжали шевелиться, затягивая отверстие в животе монстра. Герман прижал друга к земле, огромные фиалковые глаза лихорадочно блеснули в сантиметрах от его лица. Представив, что на месте этой бестолковой златокудрой головы сегодня могло оказаться кровавое месиво, Герман почувствовал дурноту. Это неправильная практика. Что-то с ней не так.

– Ребят? – Рене шустро отскочил за невысокую стену. – Живые? Что за ерунда творится? Этого не было в инструкции, чтоб ее!

Голем уже полностью восстановился и вращал головой, выискивая шустрых маленьких противников. То есть вел себя вполне разумно, каким ему быть вовсе не полагалось.

– Гер... – Берт разомкнул побелевшие губы, но Герман уже торопливо поднялся.

– План Б! – крикнул он и силком поставил Альберта на ноги. – Соберись, живо. Без твоей шпаги мы отсюда не выберемся. Понимаешь?

Берт заторможенно кивнул. Поначалу казалось, что слова не дошли до его сознания, но потом в глазах появилось понимание. Он кивнул и поудобнее перехватил эспад. Герман

быстро сжал его плечо и выскочил из укрытия прямо перед големом. Каменная машина уставилась на него пустым лицом с единственным пылающим глазом, голова перестала судорожно мотаться из стороны в сторону – цель была обнаружена.

– Эй, каменный придурок! – Герман сознательно копировал манеру Рене, чтобы быть более назойливым и раздражающим. – На меня смотри, я тут! Эй!

Он помахал мечом, одновременно делая знак Вильтрауду.

«План Б».

Альберт выскочил следом, метнулся в противоположную сторону и оттуда принялся отвлекать внимание на себя. Если он желает быть полезным, лучшего шанса может не представиться.

Каменная ножища взмыла вверх, над головой пригнувшегося Германа промелькнула тяжелая ступня. Этот голем был самым крупным из трех и против всех мыслимых и немыслимых правил магии остался «жив» после уничтожения управляющего свитка. Острие шпаги пронзило его насквозь, зачарованная бумага сгорела, даже пепла не осталось, однако голем продолжал двигаться и стал проворнее и хитрее, чем до этого.

– Рене! – Герман проследил за тем, как Берт ловко запрыгнул на руку монстра, оттолкнулся от нее ногами и, приземлившись, откатился в сторону. Кулак пробил стену, посыпалась каменная крошка. Берт уже успел подняться и бросился в атаку, бессмысленную, если не знать расположения управляющего свитка, но неплохо отвлекающую истукана. Редкие несильные удары подключившихся к Герману парней тоже вносили свою лепту. Они как стайка досадных насекомых кружили вокруг каменной машины и жалили ее.

Рене выглянул из-за чудом уцелевшего угла и нацепил на глаза свои нелепые очки. Замер, приглядываясь. Пальцы легли на спусковые крючки пистолетов.

– Берт, ты левее, – велел он. – Дай ему повернуться ко мне спиной. Нет, не выходит. Герман, лучше ты.

Голем грузно развернулся, и Рене воскликнул:

– Нашел! Свиток в задней части шеи! В загривке!

Друзья переглянулись. Герман кивнул в дальнюю часть заброшенного города, и Берт рванул туда. Герман подобрал с земли большой кирпич и, размахнувшись как следует, швырнул его в голема.

– Ты, урод! Иди за нами! – крикнул он, до сих пор не уверенный, что тот его понимает, но голем отлично распознавал звуки.

Рене успел к арке первым. Ее ребята заприметили накануне – шаткая и ненадежная, она держалась в воздухе чудом, казалось, даже сильный порыв ветра мог ее обрушить. Рене дождался, когда монстр доберется до ловушки, и разрядил оба магазина звуковых патронов в опоры арки. Волны невероятно низкого вибрирующего звука высекли каменную пыль. Герман почувствовал, как заложило уши, и постарался скорее отбежать подальше. То же сделал и Берт. В это время трещины раскололи арку, и на голема, замершего ровно под ней, обрушился дождь из обломков. Грохот камнепада заполнил собой ночь.

Альберт не стал дожидаться и, лавируя между камнями, устремился к голему, вскарабкался по спине и, оказавшись на загривке, безошибочно вонзил шпагу в нужное место. Клинок вошел по самую крестовину.

– Погас... – Рене опустил пистолеты и устало плюхнулся на кучу битого камня.

Курсанты выходили из телепортов по одному, одинаково измученные и уставшие. Преподаватели встречали их и в случае необходимости передавали в руки дежуривших врачей и медмагов. Помощь в разной степени требовалась всем.

Герман стойко выдержал перевязку, хотя глубокая царапина на плече скорее досаждала, чем причиняла сильную боль. Берт, когда увидел залитый кровью порванный рукав друга, позеленел до оттенка свежей листвы и запричитал, захлебываясь горячими слезами. Впрочем,

сегодня чрезмерную эмоциональность Герман готов был ему простить. Они все немного на взводе, даже Рене притих, настороженно косясь по сторонам, будто выискивал кого-то. Тем же занимался и Герман.

Вильтрауд заметил свою цель первым. Выдохнул облегченно, растянул губы в улыбке и без слов рухнул лицом вниз – волосы на затылке оказались слипшимися от крови. Никто и не заметил, что недавнего соратника ранило при обвале. В закрутившейся суете Герман продолжил всматриваться в лица вновь прибывающих, но не находил знакомых лиц, тех, которые почему-то так желал увидеть. Вместо этого случайно поймал вопросительный взгляд Вальтера, но, к счастью, учителя тут же отвлекли. Объясняться с ним пока не входило в планы Германа.

– А где наши девочки? – Альберт по-прежнему стоял рядом и, похоже, на самом деле переживал за их раздражающих соседок. – А вдруг они не справились? А вдруг с ними что-то случилось? Ты не думаешь, что...

– Тебе какое дело? – грубовато оборвал его Герман, потому что сам только что думал о том же. – Ты хочешь учиться в УВМД? Тогда заботься в первую очередь о себе.

– Я не хочу. – Берт доверчиво заглянул ему в глаза и с осторожностью прикоснулся к раненой руке. – Не хочу заботиться о себе. Разве люди не должны думать о других? О тех, кого они любят?

Можно было бы передернуть его слова, высмеять, но Герман только упрямо поджал губы. Как легко было здесь до появления Берта. Или, может, Герман лишь внушал себе эту успокаивающую мысль, а на самом деле ждал, когда кто-то заставит его перестать притворяться?

– Ты такой... наивный, – проронил он, отворачиваясь, хотя давящие – такие искренние! – эмоции друга обнимали его со всех сторон.

– Спасательный отряд возвращается! – крикнул кто-то, и все в едином порыве обернулись к последнему из работающих телепортов. Спасательный? Герман переглянулся с Бертом, но тот пожал плечами.

Сноп сиреневых искр возвестил о скором перебресе. Овал телепорта озарился вспышкой, и во двор училища шагнула Стефания.

Девушка с видимым наслаждением втянула носом воздух, но тут же надсадно закашлялась, схватила за грудь и согнулась пополам. Появившаяся следом Ситри поддержала подругу за плечи и что-то шепнула. Следом за ними вывалились Ролан с Вуди, оба грязные, как свиньи, а Ролан еще и злой, почти как всегда. А вот последними двое спасателей вынесли накрытые курткой носилки. Кисть с коркой засохшей грязи безжизненно свисала вниз.

Берт вцепился в Германа, будто забыв, что боялся причинить боль.

Герман пытался нащупать эмоции человека на носилках, но... их просто не было.

– Он без сознания? – Берт сильнее стиснул пальцы на локте друга. – Как Рене, да?

Герман покачал головой:

– Прости. Он мертв.

– Его звали Свен. – Двое парней из команды Германа подошли к ним. – Мы не особо отличились на практике, но хотя бы живы, а он...

Медики обступили Стефанию, но она яростно отмахивалась от помощи. Ребра ныли, и все же она уже поняла, что перелома не было. Трещина, не больше. От такого не умирают, по крайней мере не сразу.

– Прочь! – Она вырвалась и проковыляла к скамейке. Внутри ее ощущалась зияющая пустота – Герман почувствовал ее и ужаснулся, слишком глубокими, слишком тяжелыми были эти чувства.

– Bölvun! – смачно выругалась Стефания излюбленным словечком Ситри. Облегчения это, похоже, не принесло. – Bölvun, bölvun, bölvun!

– Стефания? – Берт заслонил собой свет и, наклонившись, протянул руку. – У тебя лицо в крови.

Она отшатнулась, избегая прикосновения.

– Чего тебе надо? – прошипела она. – Убирайся.

– Но, Фанни...

– Какая, к демонам, Фанни?! – Она вскочила, едва не задохнувшись от боли, но не дернула ни мускулом. – Ты, бесхребетный червяк! Лучше поплачь на плече у своего самоуверенного друга! Видеть вас всех не желаю!

Она размахнулась и влепила ему звонкую пощечину.

Альберт потер щеку, грустно улыбнулся и потрепал Стефанию по голове. От такого обращения она даже растерялась. Герман, наблюдавший сцену со стороны, тоже растерялся. И тут Стефания заплакала.

– Разойдитесь!

К скамейке подошли сотрудники лазарета и забрали девушку в медицинское крыло. Стефания больше не сопротивлялась.

Урок 9

Тот, кто прав, чаще всего и объявляется виновным

Измученные курсанты полагали, что теперь им дадут заслуженный отдых, но как бы не так! Спустя несколько часов, после всех необходимых проверок и медицинских процедур явился сам куратор практики, Дамиан Эрно. Он критическим взглядом окинул грязную, потную, местами окровавленную толпу, скривился и негромко выдал:

– В помывочную. Всех. Срочно.

Берт, как обычно, ничего не понял, но заранее испытал ужас перед этим загадочным местом, а Герман устало приложил ладонь к лицу и покачал головой.

После водных процедур учебный процесс вошел в норму, и за парой лекций и одного семинара по так любимой Германом межмировой истории и геополитике наступило долгожданное свободное время. Герман спрятался ото всех в библиотеке. Местный библиотекарь, Сорамару, из восточного мира Цинь, оказался интереснейшим человеком, и Герман отдыхал, просто находясь в его молчаливом обществе.

Герман провел прекрасный вечер в тишине читального зала, а когда вернулся, попал под обстрел любопытных взглядов Рене и Альберта. К слову, Вильтрауд слишком уж к ним зачистил, неплохо бы намекнуть ему об этом. Герман так и сделал, выталкивая позднего посетителя за дверь. Стефания продолжала играть в молчанку, хотя Герман не припоминал, чем мог ее обидеть.

Так прошла ночь, а утром, еще до подъема, динамики в коридоре разразились очередным сообщением студсовета:

– Вниманию курсантов второго потока, вернувшихся с практики. Всем, кто еще способен передвигаться, через тридцать минут собраться в актовом зале № 2 для подведения итогов. Те, кто передвигаться не может, ползите. Предупреждение от студсовета – как бы вы ни справились с практикой, вы неудачники.

Герман отставил утюг и вздохнул. Тупые шуточки неизвестных юмористов из студсовета совершенно не казались ему смешными. К тому же он специально встал пораньше, привести китель в порядок, и вот снова приходится спешить.

– За что-о-о?! – возопил Берт из-под одеяла.

– Заткнись! – шикнула на него Стефания. Кажется, этой ночью она вообще не сомкнула глаз, Герман слышал, как она тихо вздыхала и вроде бы даже плакала. Спустила ноги с койки и яростно взъерошила длинные спутанные волосы. – Найду этих придурков, пришибу.

И только Ситри спокойно слезла со второго яруса и, проигнорировав ширму, повернулась спиной и скинула ночную рубашку. Герман дернулся, подхватил падающий утюг и столкнулся взглядом с Альбертом. Щеки вспыхнули, и он ничего не мог с этим поделать. Должно пройти время, чтобы он привык жить с девчонками. Кто знал, что это настолько сложно?

Вот Берт вообще без капли стеснения встал, потянулся, сверкая голым торсом, взял полотенце и пошлепал умыться. А недавно в помывочной строил из себя недотрогу, вот и верь ему. Ситри ушла вслед за ним, и Герман остался со Стефанией наедине.

Девушка скрылась за ширмой.

– Надеюсь, учитель Эрно расставит все по местам, – с заметной долей самоуверенности заявила Стефания, на что Герман безразлично пожал плечами.

– Наша команда справилась, переживать не о чем. А ваша?

– Чтоб ты знал, мы легко разобрались с заданием.

– Да? Я бы на твоём месте об этом так не кричал, – не удержался Герман, вспомнив мертвого Свена. Кажется, Стефания про него тоже вспомнила и мигом завелась.

– А это уже не твоё дело!

Герман сказал бы, что еще об этом думает, но от дальнейшего диалога его спасло появление Рене.

– Тут еще? А я не помню, где этот дурацкий актовый зал. Можно с вами пойти? Хм. – Он быстро обшарил комнату беспардонным взглядом. – А где красавчик?

– Герма-а-н! Горячую воду дали... – Альберт так спешил сообщить радостную новость, что налетел на рыжего, и они вдвоем вкатились внутрь, цепляясь друг за друга для равновесия.

– Я счастлив, – только и смог сказать Герман и накинуд идеально отглаженный, наконец, пиджак.

Актальный зал № 2 оказался не очень-то и залом, скорее довольно просторной аудиторией с рядами мягких кресел, выполненной в торжественных бордово-бежевых тонах. За аккуратными, по мнению Германа, и уныло-педантичными, по мнению Рене, складками тяжелого занавеса скрывалась полукруглая сцена. В общем, ничего выдающегося.

Курсанты собрались вовремя, без опозданий, и сидели тихие и сонные. Предупреждение студсовета, похоже, взволновало всех, и они ожидали жестокого разноса. Герман предпочел место в одном из задних рядов, Берт с готовностью уселся рядом, и уже мимо них обоих, оттаптывая ноги и шумно извиняясь, пролез Рене, чтобы плюхнуться по левую руку от Германа.

– Простите, я случайно, – еще раз извинился он и расползся по креслу. – Фух, что-то душно вато тут, да? Атмосфера сгущается...

Он задрал очки повыше, сминая неровную рыжую челку. Нахальные бледно-зеленые глаза с прищуром косились на Германа. Тот пожал плечами с деланным равнодушием:

– Возможно. Но нам совершенно нечего опасаться. Мы сторона пострадавшая.

– К слову об этом. – Рене оперся на подлокотник и приблизил свое лицо к лицу Германа. Дохнуло тяжелым запахом масла и металла. – Если *там* с нами произошла случайность, нас пожалеют, а если нет...

Альберт заинтересованно перекинулся через колени Германа, прислушиваясь:

– А если нет, то что?

Рене приготовился выдать мрачный прогноз, но его прервал сигнал о начале собрания. Герман стряхнул друга с колен и приготовился слушать, параллельно обдумывая сказанное Рене. Разумеется, произошедшее с восставшим големом не случайность, в такое мог поверить разве что Берт. Сидящая впереди Стефания обернулась и смерила его странно задумчивым взглядом, Герману даже на секунду показалось, что она думала о том же, о чем и он. Хотя едва ли это возможно.

Бестелесный голос громко объявил:

– Дамиан Эрн, куратор практики второго потока первого курса.

Учитель Эрн появился вовсе не оттуда, откуда его ждали. Пока все смотрели на сцену, он неслышно возник прямо перед ней и выдал безучастно:

– Точно бездари.

Его хриловатый, чуть надтреснутый голос действовал на курсантов безоговорочно, буквально замораживая шепчущуюся беспокойную толпу. Герман поежился, отгоняя наваждение. В его случае дело было не столько в голосе, сколько в исходящей от учителя подавляющей волне. Уверенность, сила, властность. Герман прикрыл глаза, пытаясь «увидеть» больше. Но стоило только подобраться ко второму ментальному слою, как Рене случайно ткнул его локтем, сбивая всю концентрацию.

– ...неутешительны. – Оказывается все это время Эрн говорил. – Я бы сказал, что более слабых и бестолковых курсантов я не видел, но это было бы ложью. Потому что каждый год одно и то же. Утештесь тем, что ваш идиотизм повторяется из года в год, и вы переняли его как полковое знамя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.